65.3(2)6Ц8 /50

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

9(С)21(042)
А 47

Д·Г·АЛЕКСЕЕВ

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ БЛЮХЕРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге рассказывается о боевой и политической деятельности на Южном Урале в 1917—1918 годах стойкого большевика, героя гражданской войны, выдающегося пролетарского полководца В. К. Блюхера.

- Один год из жизни Блюхера
  -
  - ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕВКОМА
  - ПАРТИЗАНСКИЙ ГЛАВКОМ
  - ПУТИ ОТЦОВ — ДОРОГИ СЫНОВЕЙ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

Один год из жизни Блюхера

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕВКОМА

…ТОВАРИЩ БЛЮХЕР — ОДИН ИЗ САМЫХ ОТВАЖНЫХ СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ. ТАЛАНТЛИВЫЙ ВОЖДЬ-СТРАТЕГ. ЕГО БИОГРАФИЯ: МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ, РАНЕННЫЙ НА НЕМЕЦКОМ ФРОНТЕ СОЛДАТ, БОЛЬШЕВИК, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧЕЛЯБИНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА, ТРИЖДЫ УЧАСТВОВАЛ НА ДУТОВСКОМ ФРОНТЕ…

(Из донесения Уралобкома РКП(б) В. И. Ленину, Я. М. Свердлову и И. И. Вацетису. 20 сентября 1918 г.)

1

Днем 20 ноября 1917 года по заснеженным улицам из конца в конец Челябинска — от вокзала в зареченские Красные казармы — проследовала колонна хорошо экипированных и вооруженных бойцов. Это был Сводный отряд самарских и уфимских красногвардейцев.

Впереди отряда шли двое — командир и комиссар. Их совместная служба началась лишь несколько дней назад. Знакомиться по существу стали, когда уже в эшелон погрузились.

…Валил снег. Густые и влажные хлопья врывались в теплушки. Но двери их по-прежнему оставались распахнутыми настежь. Жаром дышали раскаленные печки-буржуйки. Заливисто рассыпались гармошки, гремели раскаты могучего «Ермака».

— Отвоевались, касатики. По домам едут. Пора бы и нашим, — судачили на станциях молодухи, по складам разбирая коряво выведенные мелом надписи на вагонах: «Демобилизованные»…

В дверях штабной теплушки сидели командир и комиссар отряда. Командир, защищаясь от снежных хлопьев, глубже надвинул козырек офицерской фуражки с артиллерийским черным околышем. Во взгляде, которым он провожал бегущий

вспять каменистый откос, было полное равнодушие. Комиссар же вел себя по-иному. Крутил непокрытой головой туда-сюда, ловил цепким, внимательным взглядом стремительно меняющиеся картины природы.

— Горы-то, смотрите, какие!

— Обычные, уральские, — буркнул командир.

— Карпаты, пожалуй, не лучше.

— А вы что, комиссар, не из русских?

— Не шутите, Садлуцкий. Или по обличию не видите?

— Да фамилия у вас странная: Блюхер, — командир подчеркнуто растянул последнее слово.

Комиссар нахмурился, свел брови к переносице и ответил:

— За то с господ спрашивайте, что приклепали когда-то такую кличку моему прадеду Лаврентию. Отменным воякой он был. Домой с турецкой возвратился — вся грудь в крестах и медалях. Вот и произвел его барин, потехи ради, во фельдмаршала Блюхера…

— А раньше, — продолжил после паузы, — фамилия у нас была русская, Медведевы. Я ж из деревенских, из Барщинок, что под Рыбинском. Да пожил там недолго. Проучился две зимы в приходской — отец сказал: хватит. Увез в Питер, к купцу в лавку устроил. Потом я в Москву укатил, слесарем на Мытищинском вагонном работал. Да тоже недолго. В Бутырку на три года упрятали за то, что народ на забастовки подбивал. Вышел на волю — война. На фронт погнали…

Садлуцкий оживился и, не скрывая любопытства, спросил:

— И с Карпатами там познакомились?

— На всю жизнь запомнились. Под Тернополем ран нахватал. Долго тогда колдовали надо мной врачи. Три раза санитары из операционной в мертвецкую носили. Да не дался ей, старой… Выкарабкался. Списали по чистой. Все, отстрелялся, думал. Но грянул Февраль, и партия направила к солдатам: большевиком в шестнадцатом стал… Выходит, еще повоевать придется.

— Надо будет — повоюем. Во мне можете не сомневаться, — отчеканил Садлуцкий. — Я подписался служить честно. Верю, ваша власть твердая. Твердая и справедливая.

Замолчал, задумался. Комиссар тоже ушел в себя. Вспомнил последний разговор с председателем Самарского военно-революционного комитета В. В. Куйбышевым. Поздний вызов к нему не удивил. Такое и прежде случалось не раз. Валериан Владимирович приступал к делу без предисловий:

— Товарищ Блюхер! Ревком решил послать вас в качестве комиссара вооруженного отряда в Челябинск. Мы только что получили задание из ЦК от товарища Ленина и остановили свой

выбор на вас. Поручение чрезвычайно ответственное. Дутов, захватив Оренбург, отрезал Среднюю Азию от Центра, сейчас дутовские отряды окружили Челябинск и тем самым создают угрозу движению продовольственных поездов на запад, к Москве и Петрограду. Центральный Комитет принимает меры по ликвидации челябинской пробки. Посылаются отряды из Петрограда и с Урала. Нам поручено выделить не менее 500 человек с артиллерией из революционных полков и вновь созданных рабочих отрядов. Вы в качестве комиссара должны обеспечить эту важную операцию[1].

И вот уже отряд вторые сутки в пути. В Уфе к самарцам присоединилось еще 400 красногвардейцев. До Златоуста ехали без особых препятствий, но едва перевалили в Азию — на станциях появились казаки. Выручила бойцов отряда сметка комиссара. Он загодя распорядился сделать на вагонах надписи: «Демобилизованные». Проинструктировал, как следует вести себя. Блестяще справлялся со своими обязанностями командир отряда бывший капитан артиллерии В. К. Садлуцкий. Обычно угрюмый и неразговорчивый, он быстро находил на остановках общий язык с железнодорожным начальством и старшими казачьих застав. Как видно, действовал и блеск офицерских погон.

…Блюхер, развернув газету, придвинулся к Садлуцкому, прервал затянувшееся молчание:

— Послушайте-ка, до чего договорился Дутов. Хочет свою казачью федерацию строить. Казаки-де — особая ветвь великорусского племени и должны считаться нацией.

— Слыхал я, Василий Константинович, как-то оратора из их же, есаульской братии, — откликнулся Садлуцкий. — Так тот все доказывал, что казаки и по духу даже не русские, к англичанам ближе. А посему не следует казачеству сливаться с остальной массой российских граждан, ему надлежит свое государство иметь.

— Теоретики! — усмехнулся Блюхер.

Перехитрив казаков и на станции Шершни, «демобилизованные» получили разрешение проследовать через Челябинск. Перед самым вокзалом эшелон остановился. К штабному вагону подошли двое гражданских. То были руководители челябинских большевиков Е. Л. Васенко и С. Я. Елькин. Блюхер слышал о них еще в Самаре и, коротко назвавшись, обнялся как со старыми знакомыми. Садлуцкий начал представляться по-военному, но Васенко сразу же сбил его с официального тона:

— Ого! И артиллериста прихватили?!

— Берите выше! — улыбнулся Блюхер. — И не одного, а с артиллерией!

— Да ну! И где пушки?

— Укрыты по теплушкам, — ответил в рифму Садлуцкий.

Васенко и Елькин оповестили, какова обстановка.

— Деятельность Совета в городе нарушена. 31 октября белоказаки окружили Челябинск и предъявили ультиматум — разоружить Красную гвардию, распустить Совет, передать всю власть городской думе, — говорил Васенко. — Сила была на их стороне. Пришлось оружие Красной гвардии передать солдатам гарнизона. У них настроение хорошее, они безусловно за нашу власть. С командным составом положение хуже, многие стоят за соглашение с дутовцами. Власть со 2 ноября в руках городской думы.

— Угроза нашествия по-прежнему висит над городом, — сказал Елькин. — Казаки все еще в окрестностях Челябинска, порой и в город заскакивают их разъезды.

— Понимаю, положение серьезное, — ответил Блюхер. — Что ж, действовать будем немедленно. Для того и прибыли.

— С вами теперь мы — сила. Сегодня соберем собрание и решим вопрос о власти в городе, — подытожил беседу Васенко.

Разместив отряд в Красных казармах, Блюхер и Садлуцкий сразу же взялись за организацию дел по укреплению обороны города. На окраинах усилили сторожевые заставы, а в сторону Троицка, захваченного дутовцами, выслали и артиллерию.

Быстро прошел короткий ноябрьский день. В шестом часу вечера руководители прибывшего отряда направились в центр. Возница попался бойкий. Легкие санки неслись вдоль слепых домишек, упрятавших свет за крепкими ставнями. Вскоре упряжка выскочила из глухой улочки к роще городского сада, и сразу по глазам резанули огни. Возница привстал с козел:

— Вона Совет наш высвечивает!

Поворот — и санки замерли у подъезда Народного дома. Блюхер, не сбрасывая с плеч шинели, торопливо прошел в гудящий зал. Все тонуло в клубах махорочного дыма.

Евдоким Лукьянович Васенко объявил об открытии объединенного собрания Совета рабочих и солдатских депутатов, полковых и ротных комитетов, фабрично-заводских комитетов, городского бюро профессиональных союзов при участии представителей Самарского, Уфимского, Златоустовского, Курганского и Троицкого Советов.

Прошли жаркие прения. Собрание приняло постановление: власть в городе Челябинске и его окрестностях переходит в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Для осуществления этой

власти избрать Военно-революционный комитет.

Председателем ревкома стал прибывший из Самары старый большевик А. П. Галактионов, заместителем — Е. Л. Васенко. В состав комитета вошел В. К. Блюхер. Эсеро-меньшевистский комитет «Спасения родины и революции» и Городская дума были распущены.

Вести о событиях в Челябинске быстро долетели до Троицка. Былой воинствующий пыл есаула Токарева поугас. Он запросил телеграммой: примет ли Совет для переговоров делегацию.

21-го делегация уже в Совете. В ее составе не только офицеры, но и рядовые казаки. Явная претензия на демократичность. Переговоры вел Е. Л. Васенко.

— Говорят, к вам войска прибыли. С пушками. Казаков будете усмирять?

— Пока никого усмирять не собираемся. Но если задумаете опять устанавливать свои порядки, не позволим!

…Прошло несколько дней. Рос в городе авторитет руководителей Сводного отряда. Его командир В. К. Садлуцкий приказом ревкома был назначен Главноначальствующим штаба вооруженными силами Челябинского района, а комиссар В. К. Блюхер — начальником штаба.

В начале декабря А. П. Галактионова отозвали в Самару и председателем Военно-революционного комитета был избран В. К. Блюхер.

2

Сколько изменений в жизни за один год! И каких! Февральская революция застала Василия Блюхера в городе Петровском[2], где работал слесарем-мотористом на маслобойном заводе. Окрыленный революционными событиями, молодой большевик поехал в Самару. Там рабочих куда больше. Самарский горком партии направил его на революционную работу в армию.

Поступил на службу в 102-й запасной полк. В июне стал членом полкового комитета, а в августе — председателем, одновременно исполнял обязанности заместителя председателя военной секции Самарского городского Совета.

Свершилась Октябрьская революция. 9 ноября 1917 года Блюхер был избран членом Самарского военно-революционного комитета, А через неделю он уже комиссар отряда, едет с красногвардейцами на выручку пролетариев Челябинска.

Теперь предревкома. Не было прежде таких должностей.

Рабочая революция впервые ввела их. Инструкции тут не раскроешь — нет их. Руководствоваться надо одной только революционной совестью. Спокоен был за нее молодой председатель ревкома, а все ж волновался, спорил с собой: всегда ли прав в своих поступках и решениях. Не раз мысленно призывал к себе в советчики Валериана Владимировича Куйбышева, по нему выверял каждый свой шаг.

В ту пору легко было поддаться благодушию и беспечности. Отряд самарцев обезопасил Челябинск от налета белоказаков и вынудил их откатиться на юг, к Троицку. В конце ноября вступили в город красногвардейские силы из Екатеринбурга и Перми. Но Военно-революционный комитет продолжал крепить оборону города: «для предотвращения могущих быть выступлений контрреволюционного характера» обеспечил единое руководство красногвардейскими и рабочими отрядами, собравшимися в Челябинске чуть ли не со всего Урала.

Нельзя было мириться, и с тем, что командный состав 109-го и 163-го запасных полков, находясь под воздействием реакционных элементов, все еще разглагольствовал об уступках дутовцам, о соглашении со всеми их требованиями. Блюхер решительно пошел на замену командиров преданными делу революции людьми. Опрометчивости, однако, не допустил. Побывал у солдат, все разузнал. Выявив достойных, посоветовался с членами городского комитета большевиков и лишь после этого поставил перед Главноначальствующим штаба вооруженными силами Садлуцкий вопрос о замене командиров.

Садлуцкий расшумелся:

— Да вы что, батенька, под корень полки рубить задумали? Кого предлагаете? Солдата да прапорщика. Они уж накомандуют!

— Они — большевики, и это — главное! А что молоды да неопытны — согласен, — спокойно подтвердил Блюхер и, доверительно взглянув на Садлуцкого, уточнил: — Но с вами и такие не оплошают. В командных делах быстро подкуете каждого… Не тяните, вызывайте товарищей на беседу.

Ушли посыльные. Пролетел час в обычных утренних приемах. И вот явился первый из приглашенных. Молодцевато представился Главноначальствующему штаба:

— Прапорщик Голубых по вашему вызову…

— Вызвал я, — глуховато произнес Садлуцкий, а говорить будете с начальником штаба и предревкома Блюхером.

— Садитесь, товарищ, — пригласил Василий Константинович, выходя из-за письменного стола. — Какую должность занимаете?

— Командую маршевой ротой.

— Имеете боевой опыт? Постигли эту науку?

— Нет.

— Что ж, поможем ее изучить, — не удивился предревкома и продолжил, задержав взгляд на внешне безразличном лице Садлуцкого, — партийный комитет города рекомендует вас избрать командиром 109-го запасного полка…

В то же утро и солдат большевик Н. Иванов дал согласие на избрание командиром 163-го запасного полка.

Минуло несколько дней. В обоих полках гарнизона прошли выборы. Предложения городского партийного комитета получили полное одобрение. Рядового Николая Иванова избрали командиром 163-го полка, а двадцатилетний прапорщик Михаил Голубых стал во главе 109-го.

— Ну, прапорщик — куда ни шло. А солдат… солдат-то?! — кипятился Садлуцкий. — Что он сможет?

— Рабочие и солдаты все должны суметь, — твердо подчеркнул Блюхер. — На то и революция наша пролетарской зовется.

Своих выдвиженцев предревкома ни на день не выпускал из вида. Как-то вечером Василий Константинович пригласил к себе Голубых.

— Поздновато вызвал, но дела неотложные, — сказал Блюхер. — Читали последний приказ ревкома? Мы приступили к ликвидации частных банков. Будем ломать старый аппарат, иначе он нам головы снесет. Вчера арестованы управляющий банком и другие саботажники. В банке теперь наш комиссар. Но нужен проверенный человек на должность главного кассира. Нет ли у вас в полку такого?

— Может быть, полковой казначей? Работник хороший, да и по взглядам вполне наш.

— Пошлите за ним.

Явился казначей Мальцев. Блюхер засыпал его вопросами и вскоре тоном, не терпящим возражений, проговорил:

— Завтра принимайте дела и деньги у бывшего главного кассира. Приходите в семь утра, пойдем в банк вместе.

Блюхер прошелся по кабинету, довольно потирая руки:

— Ну, вот и нашли кассира для банка. А сколько еще работников нужно.

— А если человек никогда раньше не решал дел, которые поручают ему, — спросил Голубых. — Может ли он браться за них?

— Может и должен, — категорически произнес Блюхер. — Если поручают — значит надо браться и работать, не робеть, а изучать дело.

Садлуцкий и Блюхер жили вместе, на одной квартире. Голубых и Иванов часто бывали у них дома. Приходили поговорить по душам, посоветоваться, а больше, чтобы поучиться. В один из таких визитов Садлуцкий завел с Голубых беседу о будущей армии молодой Республики. Подсел Блюхер, спросил у Голубых:

— О чем тут толковали без меня?

— О новой армии. Владимир Константинович отстаивает роты, батальоны, полки…

— Отстаивал и буду отстаивать, — подтвердил Садлуцкий. — Вся история военного строительства на моей стороне.

— С историей не считаться нельзя, — сказал в задумчивости Блюхер. — И чтобы двигать ее вперед, все старое отметать не годится. А как, думаете, я вечера коротаю? Учусь. Вот отдохну, перекурю и засяду готовить уроки, что Садлуцкий задал.

— Да не задавал я, — смущенно проговорил Главноначальствующий. — Просто посоветовал.

Высокий пост, на который Блюхера поставила революция, требовал от него широкого военного кругозора. Учился он систематически, хотя обстановка мало отпускала времени для этого. Упорно изучал историю военного искусства, штудировал уставы старой армии.

Полгода прожили Блюхер и Садлуцкий под одной крышей, полгода вместе проработали. Много добрых советов по приобретению военных знаний дал своему комиссару бывший офицер Садлуцкий. В свою очередь Блюхер был его политическим воспитателем. Под его влиянием Садлуцкий стал убежденным коммунистом, отличным красным командиром и в последние годы жизни возглавлял Главное артиллерийское управление РККА.

Полного порядка в полках добиться сразу не удалось. Блюхер ездил в казармы, выступал. Боевыми агитаторами в те дни стали и красногвардейцы Сводного отряда.

— Мы призываем вас, — говорили они на митингах, — не поддаваться на гнусные уловки буржуазии, дутовых, калединых и прочих изменников народа, которые сеют вражду и распри среди защитников свободы, чтобы снова захватить власть в свои руки, поработить народную волю, сознание и труд. Власть Советов — наша власть. И преступником будет тот, кто не встанет в ряды защитников революции.

3

19 ноября 1917 года члены Петроградского военно-революционного комитета выслушали на своем заседании сообщение делегатов с Южного Урала о том, что «казачьи верхи стремятся захватить в свои руки Челябинск, как важный железнодорожный узел»[3] и предписали штабу округа оказать немедленную помощь Челябинску в борьбе с контрреволюционным казачеством.

И вот в Челябинск из Петрограда по личному распоряжению В. И. Ленина прибыл Северный летучий отряд — объединенный отряд матросов и солдат 17-го Сибирского стрелкового полка. Это была внушительная вооруженная сила, имеющая свои пулеметные команды, артиллерию и даже броневик.

Командовал посланцами Красного Питера Сергей Дмитриевич Павлов. После выгрузки первых эшелонов он поспешил в ревком. Был Павлов в короткополой флотской шинели. Фуражка с кургузым козырьком и большим морским крабом на околышке лихо сдвинута на затылок.

— Давно на флоте, товарищ мичман? — полюбопытствовал Блюхер.

— И дня не служил, товарищ председатель ревкома, — отозвался Павлов.

— Но форма, звание?

— Об этом братишки позаботились.

Действительно, мичман оказался сугубо сухопутным воякой. Боевое крещение принял солдатом в 17-м Сибирском полку, находившемся под сильным влиянием большевиков. Затем — Петроград, школа прапорщиков. Там же 15 мая 1917 года, за четыре месяца до своего двадцатилетия, вступил в ряды партии. Накануне Октябрьского вооруженного восстания, по рекомендации члена Петроградского военно-революционного комитета В. А. Антонова-Овсеенко, революционные моряки 2-го флотского Балтийского экипажа избрали его, прапорщика пехоты, своим командиром. И он повел матросов на штурм Зимнего. Наступал на Дворец со стороны Адмиралтейства…

На второй день после провозглашения власти Советов Павлов уже на фронте — под Пулковом и Гатчиной. Его матросы, как отметил комиссар Военно-морского ревкома, сражались «отлично и самоотверженно, так что нет слов, которыми можно выразить им благодарность».

По настоятельной просьбе самих моряков С. Д. Павлов специальным приказом наркома по морским делам был переведен на флот с присвоением ему звания «мичман». Но вместо боевых кораблей — опять солдатские теплушки. Мичман получил правительственное задание ликвидировать контрреволюционную

ставку в Могилеве.

— Там все было просто, — пояснил Сергей Дмитриевич. — Занял ставку Духонина и арестовал его.

— Да, не биография у вас — легенда, — раздумчиво проговорил Василий Константинович.

— Что вы, — отмахнулся Павлов. — Легенды будут потом. Сейчас же дела делать надо. Вот и к вам не по морям-волнам, как видите, а по рельсам и шпалам добрались. Прибыли для экстренной военной помощи против Дутова. Экстренной, — подчеркнул мичман. — Так нас товарищ Антонов-Овсеенко напутствовал.

— Что ж, и мы тянуть не будем. Через полчаса открываю заседание ревкома. Экстренное, — Блюхер также выделил последнее слово.

Все в сборе. Предревкома разложил на столе карту. Приступил к докладу:

— Положение остается серьезным. Фактически дутовские отряды держат в своих руках почти всю Оренбургскую губернию. ЦК назначил товарища Кобозева Чрезвычайным комиссаром по борьбе с дутовщиной. Пока он в Бузулуке. Отряд его невелик. Помочь ему можем прежде всего ударом по белоказакам, засевшим в Троицке.

— Когда выступать? — коротко спросил мичман.

— Послезавтра.

— Но вы же обещали не тянуть.

— И обещание свое выполню. Но лишь тогда, когда будете полностью готовы к успешным боевым действиям. За солдат 17-го Сибирского полка не беспокоюсь. А моряков в таком виде, как сейчас, из города не выпустим. Все должны быть в папахах и валенках. Этим мы их обеспечим. Ухарей мороз не любит.

— Понял. Но в степи и без коня пропадешь. Нельзя ли придать нам сорок-пятьдесят кавалеристов для разведки и связи?

— Чего нет — того нет, — ответил Блюхер. — Вся надежда на железную дорогу — на рельсы и шпалы. Будете иметь с нами надежную связь по селектору.

22 декабря 1917 года моряки и солдаты Северного летучего отряда вновь погрузились в вагоны. Были жаркие схватки у Полетаево, у станции Еманжелинской и Нижне-Увельской. По нескольку раз в день налетали на эшелон казачьи разъезды и, обстреляв, снова исчезали в снежной мгле.

25 декабря бои разгорелись в окрестностях Троицка. К ночи бойцы Павлова, поддержанные восставшими железнодорожниками, ворвались в город. Эту победу командир Северного летучего отряда закрепил особым приказом. В нем

говорилось:

> «Настоящим объявляется всем гражданам города Троицка, что с сего числа управление городом переходит в руки Совета рабочих и солдатских депутатов…
>
> Главной задачей прибывших правительственных отрядов моряков, солдат и красногвардейцев является восстановление Советской власти, беспощадная борьба с контрреволюцией, доставка и обеспечение продовольствием фронта и столицы, а также реквизиция и обнаружение съестных продуктов, спрятанных с целью спекуляции».

Отряд Павлова, действуя в полном контакте с вновь созданным Советом и при помощи крестьян-бедняков, в течение нескольких дней изъял у кулаков сто тысяч пудов хлеба. Под надежной охраной драгоценный груз был отправлен по железной дороге в Петроград — в подарок питерскому пролетариату.

Утвердившись в Троицке, Павлов часть отряда сразу же направил дальше на юг — в Кустанай. При активной поддержке местных большевиков власть перешла в руки трудового народа. Был создан Военно-революционный комитет.

Однако под Оренбургом дела складывались далеко не лучшим образом. Дутов без особого труда отбивал атаки малочисленных отрядов П. А. Кобозева. В Бузулук срочно направлялись красногвардейские отряды — из Самары, Сима, Казани, Миньяра, Перми. В. К. Блюхер дал указание С. Д. Павлову о срочной переброске всех моряков-балтийцев на фронт под Оренбург.

Из Троицка на Полетаево, затем на запад, к Уфе, Кинелю, а потом на юг, к Бузулуку — неблизкий, кружной путь был преодолен за неделю с небольшим, и уже 10 января 1918 года П. А. Кобозев депешировал в Петроград народному комиссару по военным делам Н. И. Подвойскому:

> «Теперь прибыли серьезные подкрепления из-под Челябинска. В командование вступил тов. Павлов, только что прибывший к нам со своим летучим матросским отрядом из-под Троицка. Сейчас начато наступление вновь. Впереди идет летучий отряд Павлова, занявший сегодня Ново-Сергиевку».

Прибытие революционных моряков коренным образом изменило положение на фронте. И уже 31 января 1918 года от мятежников был освобожден город Оренбург. За подписью

председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина было опубликовано правительственное сообщение:

> «Всем, всем, всем!
>
> Оренбург занят советскими войсками окончательно. Дутов с горстью приверженцев скрылся… Властью на месте объявлен Оренбургский Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов».[4]

С победами над дутовцами под Троицком и Оренбургом отпала необходимость держать в Челябинске красногвардейцев соседних городов. Их отряды начали разъезжаться по родным местам. Отозвали домой, на Волгу, самарцев и сызранцев. Блюхер не выехал с ними — городской партийный комитет оставил его на посту председателя Военно-революционного комитета, а с начала марта на него же были возложены и обязанности председателя Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Теперь он большую часть сил и энергии отдавал организации и налаживанию работы нового хозяйственного аппарата. При исполкоме Совета были созданы комиссариаты внутренних дел, труда, социального обеспечения, народного просвещения, общественных работ и другие.

Особого напряжения требовали дела на продовольственном фронте. Челябинский ревком взял на учет и приступил к реквизиции хлебных запасов у кулаков. Потекла уральская пшеница в голодающие губернии Центра. Но добиться бесперебойности в перевозках хлеба было нелегко. В южноуральские степи нахлынули спекулянты-мешочники. Заторы и пробки на железной дороге порою удавалось пробивать лишь с помощью оружия.

По настоянию ревкома Челябинский и Троицкий Советы вынесли постановление о запрете вывоза хлеба частными лицами за пределы уездов. На ближайшие станции были высланы вооруженные кордоны.

Как-то Блюхеру передали депешу от старшего группы красногвардейцев, посланных на станцию Полетаево:

— Мешочниками убит комендант. Требуют немедленной отправки. Наших сил для наведения порядка недостаточно. Шлите подкрепление.

Блюхер ответил:

— Высылаю резервный паровоз. Ведите состав в Челябинск. Здесь во всем разберемся.

Вскоре в Полетаево прикатил паровоз. Довольные мешочники погрузились в вагоны и, бахвалясь, поехали. Но вдруг остановка.

Высыпали спекулянты из вагонов и оравой к машинисту, а по ту и другую сторону полотна — вооруженные красногвардейцы. С ними Блюхер. Твердым шагом прошел вперед и гневно проговорил.

— Буйства не потерпим. Нам нужны порядок и железная дисциплина. Состав не будет отправлен, пока не назовете убийцу.

Посновали мешочники вдоль состава, погалдели, потрясли друг перед другом кулачищами и, наконец, выволокли на середину здоровенного детину:

— Он!..

— Расстрелять на месте! — приказал предревкома.

4

28 января 1918 года Совет Народных Комиссаров издал декрет за подписью В. И. Ленина о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Вскоре делегация челябинцев выехала в Екатеринбург на 1-й областной съезд Красной гвардии Урала.

> «Все дружины Красной гвардии зачислить в резерв Рабоче-Крестьянской Красной Армии, — постановил съезд, — создать отделы по управлению резервом в области и округах, взять на учет все оружие и людей».
>
> «В то же время, — писали делегаты в докладной записке Народному комиссариату по военным делам, — мы приступили к организации дружин регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии на основаниях, изложенных в декрете Совета Народных Комиссаров».

В Челябинске состоялось общее собрание военной секции Совета рабочих и солдатских депутатов. Оно вынесло постановление о роспуске полков старой армии местного военного гарнизона и призвало солдат вступить в Красную Армию. Новым председателем военной секции был избран Николай Иванов. Он и возглавил специальную комиссию из пяти человек для организации и формирования частей Красной Армии.

Мирная передышка, завоеванная большевистской партией, была непродолжительной. Вскоре империалисты начали вторжение на территорию Советской республики. Совет Народных Комиссаров бросил клич: «Социалистическое Отечество в опасности!»

Ревком и военная секция Челябинского Совета сразу же объявили об открытии массовой записи в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию для защиты революции и отражения

контрреволюционного наступления интервентов. Уже на следующий день в РККА вступило 500 добровольцев, а затем их численность достигла двух тысяч человек. У буржуазии были реквизированы лошади для создания конного отряда в 600 сабель.

Блюхер и Садлуцкий, по примеру екатеринбуржцев, организовавших первый на Урале полк РККА, загорелись идеей сформировать вторую такую же часть новой регулярной армии. И вскоре она была создана в Троицке, ставшем вновь фронтовым городом.

Дутов, разбитый под Оренбургом, бежал в Верхнеуральск, где собрал около восьми тысяч приверженцев. Но и здесь он продержался недолго. В последних числах марта красногвардейский отряд белорецких большевиков предпринял наступление на Верхнеуральск. В самом городе к активным действиям перешла боевая дружина, созданная местным Советом, и Дутов был выбит из Верхнеуральска. Взбешенный неудачами, атаман с остатками верных сил ринулся в троицкие степи и стал рассылать по станицам приказы, что лишит земли и казачьего звания тех, кто не поступит в его отряды. Над Троицком вновь нависла угроза дутовского нашествия.

После ухода под Оренбург моряков-балтийцев во главе с мичманом С. Д. Павловым главной силой троицкого советского гарнизона явился 17-й Сибирский полк. Командование им принял бывший поручик Я. М. Суворов. Блюхер, постоянно поддерживал с ним связь по прямому проводу. Знал, что белоказаки, кишевшие вблизи города, не раз предъявляли ему ультиматумы распустить полк и добровольно покинуть Троицк. Свой решительный отказ Суворов подкрепил ответами солдат. «Умрем на кольтах, но оружия не сдадим», — заявила пулеметная команда. Теперь к городу подошел Дутов. Уральский областной военный комиссариат немедля направил в Троицк красногвардейцев Перми, Екатеринбурга. Пора в дорогу и челябинским силам. Вести этот большой сводный отряд поручено Блюхеру.

Снега еще не сошли, но санный путь был уже ненадежен. Двинулись эшелонами по железной дороге. До Полетаево особых задержек не имели, но едва повернули на юг, к Троицку, дела застопорились.

Первую большую остановку сделали на разъезде близ села Николаевка. Заправить паровозы водой не удалось — водокачка оказалась взорванной. Да и впереди пути разобраны.

— Казара все это, бес их задери, — оправдывался оставшийся на разъезде будочник.

Блюхер молчал, о чем-то думал. Но вот обернулся к

шагавшему позади старику:

— Батя, а что за народ в Николаевке?

— Мужичий. Беднота.

— А Совет действует?

— Да вчерась еще робил.

— Хо-рошо, — повеселел Блюхер и тотчас же кликнул ординарца: — Выводи коня и во весь опор в Николаевку. Разыщи председателя, поднимай с ним народ на подмогу.

Не прошло и часа, как потянулись к разъезду сани с намертво примерзшими бочками. Гуртом привалила молодежь. Встала вместе с бойцами на ремонт путей. А старые и малые ездили на подводах за водой от села к разъезду и обратно. Никто из сельчан не видывал прежде такой дружной работы. Двумя живыми нитями текли и текли подводы, и, казалось, нет им ни конца, ни края…

Паровозы напились досыта. А когда управились со своими делами и ремонтники, жители села собрались на сходку. Хотел Блюхер просто спасибо сказать за помощь, а получилось большее. Задел сельчан за живое. Не расходясь по домам, открыли они запись в боевую дружину.

Шестьсот пятьдесят добровольцев вызвалось тотчас же идти на Дутова. При оружии, однако, оказались лишь фронтовики, да и то не все. Кинулись по дворам за берданками. Сотню насобирали. Мало. Блюхер распорядился выдать николаевцам из НЗ сто пятьдесят винтовок. Бойцы новой советской дружины, избрав командиром солдата-большевика П. Т. Титова, пошли пробиваться на Троицк пешим порядком.

Чем дальше к югу, тем чаще заторы. Эшелоны следовали через казачьи станицы. Почти всюду близ них рельсы были сняты, шпалы выворочены, телеграфные столбы повалены. Рассчитывать на добровольных помощников не приходилось.

После недолгих колебаний Блюхер разослал приказ по станицам, строжайше предупредив казаков, что пустит в ход артиллерию, если не прекратятся диверсии на железной дороге. Пришли в чувства разгулявшиеся станишники. Не дожидаясь подхода красногвардейцев, сами спешили приводить в порядок попорченное ими железнодорожное хозяйство.

На четвертые сутки красногвардейцы Блюхера вступили в Троицк. После детального выяснения обстановки Василий Константинович сообщил в Челябинск:

> «Все прилегающие к полотну дороги станицы сдали оружие и исполнили все наши приказы. Привезли увезенные рельсы, телеграфные провода, выдали своих офицеров… В наши руки попалось много ближайших

помощников Дутова… Захвачены важные документы, в том числе и план действий, где указывалось, когда должны быть взяты Троицк, Челябинск и железная дорога до станции Бишкиль. Такова была первая задача Дутова. Во всех поселках и станицах были организованы сотни и партизанские отряды. Если бы наши отряды опоздали на два-три дня, пришлось бы вступить в позиционную войну с организованным врагом.

На Троицк было совершено организованное и сильное нападение, но все атаки отбиты артиллерийским и пулеметным огнем.

Екатеринбургский отряд имел бой на Черной речке в 12 верстах от Троицка, где потеряли убитыми и ранеными 43 человека. Казаки, по сведениям, потеряли более 400 человек. Считаем, что Челябинск и Троицк находятся вне опасности».

Среди троичан у Василия Константиновича было немало хороших знакомых. Многие партийные и советские работники города, бывая в Челябинске, не раз заходили к нему в ревком. От старого большевика секретаря укома партии Я. В. Аппельбаума Блюхер услышал немало добрых слов о бойцах 17-го Сибирского полка и их командире Якове Марковиче Суворове.

Однако встреча с самим Суворовым озадачила Блюхера.

— За похвалы полку спасибо, — безучастно отозвался тот. — Но я-то не сегодня-завтра останусь, как говорят, полководцем без войска. Пришла и нам пора выполнять приказ о роспуске частей старой армии. Пока мы были в городе одни, солдаты об этом особых речей не вели. Теперь же, когда все вы здесь, у каждого только и мысли о доме, о родной Сибири. Никакими посулами их, видать, не удержишь.

— А посулы и ни к чему, — сказал резко Блюхер. — Разговор нужен прямой и честный. Они же наши самые революционные солдаты. Кто еще в шестнадцатом году сказал «нет» войне? Они. Кому генералы смертные приговоры выносили? Им. Из кого целый батальон штрафников сделали? Из них. И не этот ли полк в октябре в числе первых прибыл на подмогу восставшему Питеру? Словом, сегодня же соберите полк на митинг. Вы о славном прошлом скажите, мы за Урал честь воздадим.

И вот все фронтовики-сибирцы в сборе. На главной троицкой площади яблоку негде упасть. Без всякой команды пришагали сюда боевики Троицкой железнодорожной и Кустанайской дружин. И горожан видимо-невидимо.

Начался митинг с оглашения воззвания Троицкого Совета к

солдатам 17-го Сибирского полка:

> «Исполнительный комитет выносит свою благодарность 17-му Сибирскому полку, как верному защитнику Советской власти, который в самую трудную минуту Совета на Урале оставался стойким на своем революционном посту и который кровью своих товарищей запечатлел свою верность пролетарской революции и Совету Народных Комиссаров…
>
> Исполнительный комитет предлагает 17-му Сибирскому стрелковому полку остаться в городе Троицке и до создания боевой единицы находиться в распоряжении Совета».

Речи были разные. Одни говорили: всему свое время. Навоевались вдоволь. В германскую кровушки напроливали. Революцию защитили. Дутову всыпали. Пущай уж уральцы сами теперь все доводят. Другие возражали: устали, это верно, но рано по домам. Враг не разбит до конца. Нельзя бросать винтовки. Без Красной Армии не жить Советской власти.

Один из таких ораторов и кинул клич:

— Даешь новую боевую единицу! Даешь красноармейский полк!

То было 4 апреля 1918 года. Допоздна трудились тогда члены коллегии по формированию Троицкого отряда Красной Армии под председательством бывшего комбата Ивана Карпухина.

Более шестисот солдат и офицеров 17-го Сибирского полка изъявили свою готовность продолжать службу в Красной Армии. В полном составе записались в ряды РККА боевики Троицкой железнодорожной и Кустанайской дружин Красной гвардии. Не припоздали и фронтовики-крестьяне села Николаевки, которых пешим порядком привел в Троицк солдат большевик П. Т. Титов.

— А ты горевал, Маркович, — уже по-свойски обратился Блюхер к Якову Суворову. — Вот тебе и новое войско!

— Это не все, товарищ Блюхер, — сказал Карпухин. — Вот еще список. В нем — мадьяры и австрийцы, бывшие военнопленные. Они в полку уже с января. Как быть с ними?

Да, ситуация необычная. В Троицке во время войны был лагерь военнопленных австро-германской армии. Когда из города изгнали дутовцев, в штаб 17-го Сибирского полка пришли представители революционно настроенных солдат — Андрош Сакач и братья Франц и Маувет Мауеры. От имени большой группы военнопленных они обратились с просьбой зачислить их в Красную гвардию, чтобы с оружием в руках защищать завоевания пролетариата, власть Советов.

Командир полка растерялся: можно ли доверить бывшим врагам России оружие? Обратился в Челябинск. Ревком сразу не ответил. Но через несколько дней все сомнения отпали. Я. М. Суворов получил указание:

> «Принять в полк пополнение из числа пленных мадьяр и австрийцев добровольцами на условиях солдат».

273 бывших пленных дали клятву, что они обязуются беспрекословно выполнять все распоряжения, исходящие от Советской власти, и вести себя с полным сознанием революционного долга перед теми высокими задачами, которые возложены на вооруженных рабочих и крестьян новой России.

В дни и недели, когда главной вооруженной силой в Троицке и его уезде оставался 17-й Сибирский полк, красные мадьяры и австрийцы показали себя настоящими пролетариями-интернационалистами.

— Считаю бойцов товарища Сакача преданной и ударной силой в борьбе с контрреволюцией, — заявил Суворов.

— А коли так, — резюмировал Блюхер, — сохраняем за группой Сакача права особого, но уже красноармейского интернационального батальона. На том и точку ставим. Принимайте, Яков Маркович, командование вторым на Урале регулярным полком Красной Армии.

— А первые кто? — торопливо спросил Суворов.

— Екатеринбуржцы.

— Припоздали, выходит. Жаль. Тогда уж пусть наш полк будет по-прежнему 17-м стрелковым.

— Согласен, — отозвался Блюхер и с улыбкой добавил. — Но уже не Сибирским, а Уральским. В честь места нового рождения полка. О том и войдем в ходатайство перед Высшей военной инспекцией. Возражений, надеюсь, не будет?

Партийные и советские работники Троицка неоднократно предпринимали попытки наладить агитационную работу среди обманутой казацкой бедноты. Но почти все походы большевиков в казачьи станицы оканчивались трагически. Жестокие расправы станичников породили чуть ли не у всех мысль о том, что с казаками можно разговаривать лишь на языке оружия.

— Иначе и нельзя, — нервно подчеркнул Аппельбаум.

— Можно, товарищи, — твердо произнес Блюхер. — Наша задача не состоит в том, чтобы пройти военным маршем по станицам. Мы должны раскрывать глаза казацкой бедноте, должны сделать ее нашей активной сторонницей. Без участия в борьбе самих казаков с дутовщиной покончить невозможно.

Блюхер доказывал, что расслоение в среде казачества становится все более глубоким, что в очищенных от дутовцев селениях надо помогать станичной бедноте организовать свои Советы.

В Троицке была большевистски настроенная группа казаков-фронтовиков. Тон в ней задавали Александр Карташев и Николай Томин. Василий Константинович, квартировавший в доме братьев Семена и Петра Крохмалевых, пригласил их к себе.

— Хорошие вести получены из Верхнеуральска, — сразу же подзадорил их Блюхер. — Члены Совета сообщают, что сыновья станичного атамана Николай и Иван Каширины взялись формировать красные казачьи отряды. Они ведь офицеры оба, но с Дутовым не пошли. Теперь, как видите, они красные командиры. Совет заверяет в честности их намерений.

— Каширины наши. Это точно, по фронту их знаю, — подтвердил Томин. И сразу же загорелся. — А у нас не отряд, а полк красноказачий будет!

— И назовем его — имени Степана Разина, — не утерпел Карташев.

— Имя дать недолго. А полк? И полной сотни пока не набрали, — проговорил Блюхер.

— Будет и полк! — рубанул Томин. — Прочешем станицу, другую, всыпем тому, кто под Дутова дудку плясал. Враз очухаются казачки.

— Сила, она и солому ломит, — согласился бы вроде Блюхер. — А как насчет агитации, Николай Дмитриевич? Вы же председателем дивизионного солдатского комитета были.

— Был, — кивнул Томин. — За это богатеи-станичники и из казаков грозились изгнать.

— Грозились, Дмитрич, да не вышло, — успокоил разгорячившегося товарища Карташев. — Заступников у тебя куда больше оказалось.

— Это хорошо, — улыбнулся Блюхер, — но еще лучше будет, если заступники станут и нашей опорой. Бери-ка карандаш, Николай Дмитриевич, и пиши им, что на сердце лежит.

Писал листовку Томин, но слова ее в строгие фразы складывали сообща, все трое:

> «Пойми же, наконец, казачья беднота, кто ваши враги и кто ваши братья. Идите к нам с открытой душой, и вы всегда найдете поддержку у такой же бедноты, как и вы… Кто толкнул вас, товарищи казаки, на братоубийственную войну? Кто заставил терять ваших отцов, братьев и сыновей?.. Это Дутов, это сбежавшее к

нему офицерство. Это предатели революции, это все враги трудовой бедноты…»

Наутро листовка была размножена в городской типографии. Разнесли их по окрестным станицам «неприметные» люди. Среди них была и сестра братьев Крохмалевых — Надежда.

В те же дни состоялся съезд казаков-фронтовиков Челябинского уезда. Его делегаты в первых пунктах своей резолюции заявили:

«1. Признавая, что единственным выходом из тяжелого положения, в котором очутилась наша революция, является единая организация всех трудящихся вокруг Советов, мы, казаки-фронтовики, еще раз подтверждаем наше непоколебимое решение стоять на платформе Советской власти.

2. Учитывая, что под натиском международной буржуазии революционные завоевания могут быть подвергнуты опасности, мы, казаки-фронтовики, как защитники революции, стоя на страже ее, постановили сформировать добровольческие отряды, которые будут в корне пресекать все контрреволюционные выступления, от кого бы они ни исходили, и беспощадно карать всех врагов трудящегося народа».

Агитационные воззвания сыграли свою роль.

Пришли добрые вести из Верхнеуральска, из Тугайкульского и Звериноголовского поселков: казаки на общих сходах утвердили свои Советы и приняли решения об организации боевых отрядов для борьбы с Дутовым.

— Берет наша, — порадовался Блюхер. — Теперь и бои-походы можно начинать. Союзники будут у нас повсюду.

Василий Константинович организовал под своим руководством штаб войск, действующих против Дутова. В него, кроме троицких товарищей, вошли руководители Екатеринбургского и Пермского отрядов, находившихся в городе. Была установлена надежная связь с красными казаками Н. Д. Каширина, уфимским отрядом М. С. Кадомцева и отрядом богоявленских рабочих М. В. Калмыкова. Общая численность красных сил достигла около четырех тысяч человек.

Завершив организационно-подготовительную работу, штаб войск принял план боевых действий по уничтожению банд Дутова на территории уезда. Троичане обеспечивали охват врага с севера и востока. С запада и юго-запада должны были наносить удары отряды уфимских и богоявленских рабочих, а также красные

казаки Верхнеуральска.

Первыми крупного успеха достигли боевики Михаила Калмыкова. О Калмыкове Блюхер был наслышан немало. Знал, что он из семьи потомственных стеклодувов. С тремя Георгиями вернулся с войны. Обосновался на мирную жизнь в поселке Богоявленского завода. В июле семнадцатого стал большевиком и получил от партии задание сформировать рабочую дружину, во главе которой и сражался теперь против дутовцев.

Совершив многоверстный переход, богоявленцы вступили в станицу Магнитную. Дутовцев в ней не было, но и Совета своего станичники еще не имели. Калмыков созвал общий сход.

— Что Дутову не служите — хорошо, но почему Совета чураетесь? — начал речь с прямого вопроса. — Иль не слышали, что и троицкие и верхнеуральские казаки выступили на защиту своих Советов, создают красноказачьи отряды. А вы разве иной, не трудовой народ? И с кем вам, как не с нами, с рабочими, идти? А если так, выбирайте, станичники, Совет и правьте жизнью сами, не слушая богатеев, не прислуживая им.

Сход принял предложение командира красного рабочего отряда. При выборах в Совет вошли главным образом солдаты-фронтовики. Они-то и разузнали, что утром седьмого апреля дутовцы готовятся совершить на Магнитную налет восемью конными сотнями со стороны станиц Наваринской и Блохинской.

Бойцы Калмыкова принялись баррикадировать входы в станицу. Несли все, что попадало под руку и могло задержать продвижение конницы — сеялки, плуги, бороны, косилки. Опорным пунктом был избран дом Починского, где квартировал штаб. Один пулеметный расчет командир оставил при себе. Стрелкам велел рассредоточиться и встречать атакующих огнем. Второй расчет пулеметчиков направил на колокольню, наказав держать под обстрелом прицерковную площадь и прилегающие к ней улицы.

Едва рассвело, с шумом, криками дутовцы вступили на лед Урала и приблизились к станице. Сквозь заграждения кони не прошли. Покрутившись под огнем, белоказаки отскочили в заречную рощу. Во второй раз они двинулись на приступ в пешем порядке.

— Всем отходить к штабу! — приказал Калмыков.

Бойцы начали стягиваться к обширной усадьбе Починского и заняли круговую оборону.

— Стрелять только наверняка, — распорядился командир. — Вплотную приблизятся — ударим в штыки.

Вдруг «максим» на колокольне замолк и сверху донесся восторженный возглас.

— Наши! Наши едут! Ура-а!

Отрезвели дутовцы. Бросились к покинутым коням.

Саней, действительно, подкатило немало, да прибыли на них не каширинцы, которых ждали с часу на час, а крестьяне — ехали на мельницу с мешками зерна.

— Спасибо, мужики, что с самой нужной стороны и в самый ответственный момент подкатили, — поблагодарил Калмыков и тут же громобойно скомандовал боевикам: — Скидай, братва, мешки. И на подводы все. Айда, в погоню!

Начальник Уфимского губернского штаба боевых организаций народного вооружения Эразм Кадомцев так охарактеризовал эти события:

> «…Последние бои были для нас удачны… Главный удар нами был нанесен в семичасовом бою под Верхнеуральском, а окончательно надломлены дутовцы в момент их отступления неожиданным нападением богоявленцев из-под Магнитной».

Успешно развивались боевые действия и на других направлениях. Привлекая на свою сторону беднейшее крестьянство и трудовых казаков, красные отряды очищали от мятежников станицу за станицей. 17 апреля Дутов был выбит из Краснинской, являвшейся его штабным центром, а два дня спустя, бросив войско, атаман с отрядом личной охраны кинулся в сторону Орска.

22 апреля Дутов остановился в поселке Бриен, чтобы переночевать и сменить коней. Екатеринбургские дружинники узнали об этом раньше других. Были они от Бриена всего в тридцати верстах. Не передохнув, продолжили марш и ночью. На рассвете атаковали белоказаков и разбили их. Но Дутов с горсткой телохранителей сумел-таки уйти и на этот раз, бежал в бескрайние степи Тургая.

Блюхер квартировал тогда в станице Парижской. Оттуда и давал распоряжения отрядам, рассыпавшимся по двум огромным уездам. Последним дозвонился до него из Полтавской Калмыков и что есть силы прокричал в трубку:

— Продуктов нет. Фуража тоже. Распутица. И самим обезножить можно. Как дальше действовать?

В ответ донеслось:

— Тише, оглушите. Центр считает задачи компании выполненными. Преследование прекращайте. Отрядам приказано возвращаться по местам. Следуйте и вы на свой завод.

— Понял, товарищ Блюхер! — звонко отчеканил Калмыков.

5

Трудовой Урал встречал первый советский Май.

Ликовал Челябинск. Реяли алые стяги над красноказачьим Верхнеуральском. На улицы вышла вся рабочая Уфа. Гремели марши в поселке Богоявленского завода.

Шумно было и на Главном проспекте Екатеринбурга. Грянули оркестры. Парадное шествие открыли роты 1-го Уральского полка Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Эта часть была гордостью Екатеринбургского партийного комитета и городского Совета рабочих и солдатских депутатов. Они крепили ее, заботились, чтобы первенец новой Рабоче-Крестьянской Красной Армии служил образцом для всех формирующихся красноармейских полков Урала.

За уральским полком маршировали боевики. Весеннее южное солнце и степные ветры продубили, покрыли их лица ранним загаром. То в одной, то в другой шеренге мелькали белые повязки на головах раненых, не пожелавших покинуть в такой день строй товарищей.

Блюхер слышал праздничный гул улиц. Еще 28 апреля он был вызван из Троицка в Екатеринбург для доклада Уралобкому об итогах боевых операций, предпринятых против дутовцев. Мечтал Василий Константинович прошагать майским утром вместе с боевыми товарищами по Главному проспекту родного их города. И сейчас его тянуло туда, на солнце, на большой рабочий праздник. Но… не шагнешь, не сдвинешься даже с места — надо лежать. Таков приказ врачей. Еще в дороге открылись недолеченные раны, и прямо с поезда угодил в госпиталь.

До конца дней не забудется, видать, тот бой под Тернополем. Всю спину осколками покорежило. Восемь тяжелых ран получил, а сколько легких было — со счета сбился. Больше года тогда отлежал. И теперь доктора скорой выписки не обещали.

После праздника заглянул в госпиталь окружной военный комиссар Филипп Исаевич Голощекин.

— Как жив-здоров, Василий Константинович?

— Спасибо. Отоспался вволю за весь бессонный апрель. И болячки вроде поутихли. С докладом хоть сейчас готов прийти, да он вот, — кивнул на старого доктора, — на аркане держит.

— Не надейтесь, — остановил Голощекин, — и я подниматься не разрешу. Денька два-три дела потерпеть могут.

— А дольше нет?

— Поживем — увидим, — уклончиво ответил Голощекин.

Блюхер понял, недоговаривает чего-то комиссар. И едва лишь на ноги встал, распрощался с госпитальным начальством.

— За поправку благодарен. Удерживать не старайтесь. Долечусь уж сам.

В тот же день он был на приеме у Голощекина. В подробности минувших боев вдаваться особо не пришлось. Обстановка на юге Урала опять обострилась. Новым центром белоказачьей смуты стала станица Нижнеозерская. При первой же вылазке из нее дутовцы захватили станцию Ново-Сергиевскую, а затем окружили Оренбург.

— Надо выручать товарищей, — сказал Филипп Исаевич. — Знаю, что не здоровы, но…

— С кем ехать? — только и спросил Блюхер.

— Мы выделяем 1-й Уральский полк в составе полных трех батальонов — кавалерийский эскадрон. В Челябинске пополнитесь красногвардейским шахтерским отрядом. Командование им советую поручить Соломону Елькину, он вашим политическим помощником будет. Там же возьмете артиллеристов гарнизона.

12 мая 1-й Уральский полк и Екатеринбургский эскадрон погрузились в эшелоны. Блюхер выехал в Челябинск на день раньше — надо было успеть передать дела преемникам на председательских постах в ревкоме и Совете, а также привести в полную боевую готовность красногвардейцев-шахтеров и батарейцев, сформированных И. А. Матюшкиным из железнодорожников Челябинского узла.

…Прямой дороги на Оренбург через Троицк — Орск тогда еще не было. Курс взяли на запад. Долгих остановок в пути не делали, но в Златоусте пришлось задержаться часа на полтора. На перроне посланцев Уралобкома встречали председатель укома партии В. Д. Ковшов и члены уездного Совнаркома во главе с председателем П. Р. Бояршиновым. Был среди них и Михаил Голубых. Его еще в марте направил сюда Блюхер. Златоустовские руководители сообщили, что в распоряжение уфимской дружины М. В. Калмыкова они выделяют 250 боевиков.

В Самару уральцы не заезжали. От станции Кинель свернули на юг. «Зеленой улицы» не стало. То и дело натыкались на следы дутовских диверсий.

— Проехать к Оренбургу будет трудно. Но мы должны быть в нем, и как можно скорее, — заявил Блюхер на совещании командиров. — Вспомним троицкий опыт. Прорываться будем, как и тогда, не покидая эшелонов.

Зная, что большинство в отряде составляет необстрелянная рабочая молодежь, командующий распорядился провести во всех ротах летучие митинги с выступлениями на них бывалых солдат.

…Поутру эшелоны остановились на разъезде за Бузулуком

перед испорченным участком пути. Бойцы выскочили из вагонов, взялись за ломы, кувалды, кирки. И вдруг застрочил пулемет, поднялась винтовочная пальба. Все попадали. Заслышав перестрелку, Блюхер кинулся к бойцам. Но кто-то другой спокойным, уверенным голосом уже подал нужную команду:

— Поднима-айсь! За мной, в атаку! Вперед!

На укрывшихся в кустах казаков бежал, паля на ходу из нагана, командир батальона 1-го Уральского полка.

— Молодец, Павлищев! — крикнул радостно Блюхер.

С тех пор подобные стычки вошли в систему, ввязываться в них приходилось чуть ли не через каждый десяток верст. Так вырабатывалась новая тактика — тактика эшелонной войны.

После короткого, но жестокого боя уральцы заняли станцию Ново-Сергиевская. Затем дружными атаками из эшелонов выбили белоказаков с разъездов близ станиц Татищенской и Донской и уже на одиннадцатый день своего похода соединились на станции Сырт с красногвардейцами осажденного Оренбургского гарнизона.

То было 23 мая 1918 года. А четырьмя днями раньше из Стерлитамака выступил. Сводный уфимский отряд, возглавляемый М. В. Калмыковым. Его боевики прибыли в Оренбург, когда кольцо белоказачьеи блокады было уже разорвано. На северо-восточной окраине отряд остановили часовые сторожевой заставы. Старший ее, осведомленный о подходе Калмыкова, без проволочек дал разрешение на вступление в город.

— Как Блюхера отыскать? — спросил Калмыков.

— На станции. Его эшелоны там, каждый покажет.

Михаил Васильевич, оставив боевиков на привокзальной площади, направился в поиски. Только вышел на перрон, из-за спины кто-то произнес:

— Постой, товарищ. Давай знакомиться.

Калмыков обернулся. К нему подходил крепко сбитый военный в выцветшем добела обмундировании. Остановившись, снял фуражку, обтер платком чисто выбритую голову, прищурился от яркого солнца.

— Ну и жарища! В мае никогда не видал такой, — и в упор спросил. — Калмыков? Не ошибся?

— Угадали, — пробасил Михаил Васильевич. — А вы кто?

— Да тот, кого ты едва не оглушил из Полтавской своим громобоем.

— Василий Константинович?

— Я.

— Ну! Считал, куда старше должны быть.

— А сам-то с какого? — полюбопытствовал, улыбаясь, Блюхер.

— С восемьдесят восьмого.

— Старик. Мне до тебя еще два года тянуться. Ну, а мандат не покажешь?

— Вот, пожалуйста.

Блюхер бегло взглянул на протянутый документ и не сдержал улыбки:

— Значит, командующий! А теперь мой прочти.

Калмыков глянул на плотный листок с машинописным текстом, скрепленным подписями и печатью:

> «Предъявитель сего Василий Блюхер уральским областным военным комиссариатом назначен Главнокомандующим всеми отрядами, оперирующими под Оренбургом…»

— Хорошо. Снова под вашим началом?

Блюхер в ответ усмехнулся:

— Что ни отряд, то и главком особый. И ты вот пожаловал с неменьшими полномочиями.

— Н-да, все главные получаются, — покрутил усы Калмыков. — Не ладно это. Нужно кого-то одного избрать.

— Нужно, — согласился Блюхер. — Но это успеется. А сейчас полк Жлобы выручать надо. У меня под рукой сил нету. Один батальон в районе Пречистенской развивает удар в сторону Орска, другие — на Бузулукской линии. Снимать их не могу. А как твои? С ходу сумеют?

— Если надо, будут готовы, — твердо произнес Калмыков.

— Тогда слушай. Положение таково. Эшелоны Жлобы на станции Донгузская. Белоказаки окружили их.

— И далеко до нее?

— Верст сорок. Но не бойся, подвижного состава хватает.

— Когда на погрузку? — загорелся Калмыков. — Где вагоны?

На первое боевое задание Михаил Васильевич отобрал две сотни бойцов во главе с Никитой Опариным. Формируя эшелон, решил для безопасности пустить впереди паровоза порожнюю платформу.

— А если не порожнюю? — вслух подумал Опарин. — Если из нее нечто бронеплощадки сделать? Тюки с хлопком уложим по бортам. Не хуже брони защитят. А на платформу пушку-горняшку закатим да два пулемета поставим. Сила будет.

— Ишь, головастый, — отметил Калмыков.

Поездка в Донгузскую много времени не заняла. Отогнали белоказаков от полка Жлобы, даже не выгружаясь из вагонов. Все

дело решили меткие выстрелы орудия, установленного на импровизированной бронеплощадке.

Первый удачный опыт Калмыков постарался закрепить и развить. Весь его отряд теперь размещался в трех составах. Паровозы ставили в середину, а в голову и хвост прицепляли платформы, бронированные тюками хлопка. Опорной была станция Сырт. Обнаружив нападение дутовцев на какой-либо из пунктов в охраняемом секторе, первым в бой вступал эшелон разведки. Затем подходили и остальные. Так выиграли сражение на юге, близ Павловской, а затем и в ряде мест по дороге на Бузулук. Внезапность — этот излюбленный козырь дутовцев — была выбита из их рук.

На совещаниях главкомов Блюхер настаивал на проведении решительной операции по уничтожению всех дутовских скопищ в ближних и дальних от Оренбурга станицах, но всякий раз верх одерживали «оборонцы».

— Силы-то неравные, — доказывали они. — У нас три с половиной тысячи бойцов, а у противоположной стороны — в два раза больше. И притом почти все конные. Мы по рельсам туда-сюда раскатываемся. И то ладно. В степях с ними пеша не навоюешь.

— Но ведь не с одними дутовцами нам вести борьбу, — сказал Блюхер. — Драться надо и за беднейшее казачество. Сплачивать в революционные отряды и утверждать с его помощью Советы на местах. Только так можно выбить из-под прислужников Дутова опорные базы и лишить их питательных сил.

В начале июня в Оренбурге узнали о спровоцированном империалистами Антанты мятеже чехословацкого корпуса, но вести об этом носили отрывочный характер и многие всерьез их не принимали.

18 июня Блюхер сумел связаться по телефону с находившимся в Уфе народным комиссаром по военным делам Н. И. Подвойским. Блюхер заявил, что «считает нравственным долгом перед Родиной и революцией направить часть уральских войск на помощь Троицку и Челябинску, чем будет облегчено и положение самого Екатеринбурга».[5]

Нарком согласился с этим и предложил создать отряды из мобилизованных рабочих Оренбурга и Бузулука. Но делать это было уже поздно. Белочехи, занявшие Самару, повернули на юг и начали продвигаться от Кинеля на Бузулук. Блюхер посчитал преступным покидать в такое время войско Оренбургской группы. Подняв батальон 1-го Уральского полка и конников Екатеринбургского эскадрона, он выступил навстречу мятежникам. Дружной атакой авангардный отряд белочехов был

выбит из Бузулука.

Блюхер имел только восемьсот штыков и сабель. Противник контратаковал впятеро большими силами. На третьи сутки боя Бузулук пришлось сдать. В этих боях погиб командир Челябинского шахтерского отряда «Народные копи» С. Я. Елькин. Он остался прикрывать отход товарищей. Был ранен и, не желая попасть в плен, последнюю пулю послал себе в висок.

Дутовцы активизировались по всей округе. Натиск объединенных сил белогвардейщины и восставших чехословаков с каждым днем нарастал.

Возвратясь в Оренбург, Василий Константинович потребовал немедленного созыва командующих отрядами. Утром 28 июня 1918 года все они собрались в вагоне Г. В. Зиновьева, к которому по согласию главкомов перешло командование войсками всей группы.

При обсуждении вариантов отхода Г. В. Зиновьев высказался за то, чтобы отводить части и отряды по незанятой противником железной дороге в сторону Ташкента. Блюхер назвал этот путь линией наименьшего сопротивления и стал горячо доказывать, что надо идти по тылам врага в заводские районы Урала и там помогать Красной Армии в ее борьбе с белочехами.

Кто только не пытался отговорить его от столь рискованного намерения. Даже П. А. Кобозев, Чрезвычайный комиссар Оренбургской губернии, и тот с укоризной спрашивал:

— И куда стремишься? В область, которая сплошь объята восстаниями казачества? Одумайся…

Блюхера поддержали только Николай Каширин и Михаил Калмыков. Большинство командиров проголосовало за Туркестанский вариант.

Калмыков тут же опротестовал это решение. На его имя каким-то чудом проскочила телеграмма из Уфы. Ревком сообщал, что белочехи грозят городу с востока и с запада и приказывал командующему Сводного уфимского отряда немедленно возвращаться обратно.

На рассвете 29 июня Калмыков вытянул все силы отряда в походную колонну. На проводах Блюхер сказал:

— Не волнуйся, Михаил Васильевич, в одиночестве не оставим. Урал и мы не покинем. Это точно. Обеспечим эвакуацию и тоже двинемся за вами вслед. До встречи, дружище!

Крепко верил Василий Константинович в своих уральцев. Но не только на их удаль и храбрость рассчитывал он, выбирая труднейший и опаснейший из путей. В Оренбурге Блюхер встретился и с Николаем Кашириным — командиром Верхнеуральского красного казачьего отряда, о славных делах

которого много знал еще в Троицке. Особо подкупила Блюхера та страстность, с которой командир красных казаков отстаивал на последнем совете главкомов необходимость похода на север, к Екатеринбургу.

…После совета красноармейцы Уральского отряда еще три дня оставались на передовых позициях за городом. Враг наседал, кидался в атаки, но блюхеровцы мужественно сдерживали его натиск. Выстояли. Обеспечили полную эвакуацию на юг из Оренбурга советских учреждений и войск.

Василий Константинович созвал к себе представителей частей отряда:

— Итак, решайте, будем или нет отходить на юг. Вашей воле подчинюсь.

Призадумались красноармейские делегаты. Блюхер молча ждал, брови его сошлись к переносице, на висках проступили пульсирующие жилки. Вперед протиснулся степенный красноармеец. Помялся немного, что-то еще прикидывая в уме. Блюхер узнал в нем пулеметчика 8-й роты 1-го Уральского полка. То был не любитель суеты и спешки. Не раз приходилось подгонять его в боевой работе, подогнал и теперь:

— Говори, Тарасов. Нету времени в молчанки играть.

— А што, и скажу. Все мы тут добровольцы. Да не вольны в трудный час спины к Уралу воротить. Ни в каких смыслах не вольны. Веди нас, Василий Константинович, как задумал. Сдюжим. Веди на Урал!

1 июля 1918 года отряды Блюхера и Каширина выступили из Оренбурга, держа путь на северо-восток. Блюхер вел на прорыв более девятисот пехотинцев, эскадрон кавалерии и артиллерийскую батарею четырехорудийного состава. С Кашириным шло триста семнадцать казаков-конников и сто девяносто пять пластунов-пехотинцев.

Части Блюхера на марше составляли главные силы. Каширинцы несли службу боевого охранения. Вокруг рыскали белоказаки. В открытые схватки ввязываться не решались. Лишь попугивали издали винтовочными выстрелами да пулеметной трескотней. Отряды в походе потерь не имели. Наоборот, ряды их непрерывно росли.

Разведчики, помимо своих основных функций, отлично выполняли и обязанности агитаторов. Возвращаясь с заданий, почти всегда приводили с собой новых и новых добровольцев. Порою целые группы вооруженных рабочих и крестьян присоединялись к отрядам. Наиболее крупными среди них были дружины приисковых рабочих под командованием Синельникова и Верзилова, а также казачья конная сотня Михайлюка.

Пополнениям радовались. С каждой встречей новых товарищей прибывало бодрости и веры в конечный успех дела. Но шли осторожно, нащупывая наиболее верные пути и по крохам выведывая сведения о том, что делается в лежащих далее селениях.

За Ак-Мечетью долетела черная весть — Верхнеуральск оставлен советскими частями. Пришлось изменить направление и пойти на Белорецкий завод.

ПАРТИЗАНСКИЙ ГЛАВКОМ

МЫ СЧИТАЕМ, ЧТО РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ДОЛЖНА ВЫРАЗИТЬ ВОЖДЮ ЭТОЙ ГОРСТОЧКИ ГЕРОЕВ, ВПИСАВШЕМУ НОВУЮ СЛАВНУЮ СТРАНИЦУ В ИСТОРИЮ НАШЕЙ МОЛОДОЙ АРМИИ, БЛАГОДАРНОСТЬ И ВОСХИЩЕНИЕ

А ПОЭТОМУ ВОЕННЫЙ СОВЕТ ХОДАТАЙСТВУЕТ О НАГРАЖДЕНИИ БЛЮХЕРА РЕВОЛЮЦИОННЫМ ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ.

(Из ходатайства РВС 3-й армии Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову. 29 сентября 1918 г.)

1

Горы и горы, куда ни взгляни. Плотно зажали они широкую котловину с прокоптелым заводом, прудом и подслеповатыми домишками по его берегам. Близ завода — плотина, за нею уже не тихая озерная гладь, а бурлящая стремнина горной реки. Белой она зовется. И завод сродни ей — Белорецкий.

8 июля 1918 года в рабочий поселок вступили отряды Ивана Каширина и Николая Томина, вынужденные оставить Верхнеуральск. Гарцевали на конях красные казаки Верхнеуральских кавалерийских и 1-го Оренбургского социалистического имени Степана Разина полков. Шли в пеших колоннах запыленные бойцы Верхнеуральского и 17-го Уральского стрелковых полков. Удивляли горожан своей необычной формой бойцы Интернационального батальона — мадьяры и австрийцы. Боевики же Троицкой коммунистической дружины шагали в штатских пиджаках и рубахах.

Радушно приняв трехтысячный братский отряд, белоречане потеснились в домах. Захлопотали женщины: как накормить такую силищу! Задымились печные трубы, хозяйки взялись за варево, выпечку. Управившись со щами и хлебами, садились за шитье. Мануфактура была. Не лежать же ей даром, когда у бойцов-партизан нет и смены белья.

А 15 июля 1918 года разведка белоречан донесла: приближается к поселку еще более полутора тысяч активных штыков и сабель. Это были отряды Василия Блюхера и Николая Каширина, завершившие пятую сотню верст перехода со стороны Оренбурга. Отряд Блюхера не стал вступать в Белорецк. Там уже разместиться было негде. Уральцы остановились биваком в поселке Узянского завода.

При встрече с представителями штаба Ивана Каширина Блюхер договорился о созыве на 16 июля совета командиров частей и отрядов, собравшихся в районе Белорецка.

В тот день Василий Константинович проснулся до солнца. Въелась уже походная привычка. Вышел из душной избы. Предрассветная свежесть студеной водой сняла сон. Растормошив ординарца, прикорнувшего в сенцах, сказал:

— Давай, браток, в дорогу.

— Так рано же еще!

— Не рано. Недосуг нам сейчас до спанья.

Кони по холодку бежали резво. Двадцать верст отмахали за час с небольшим. Торопили не только дела. Подгоняло и желание поскорее увидеть старых друзей. Их немало пришло в Белорецк из-под Троицка.

Подлетели на широком галопе к сторожевому посту, стоявшему при въезде в поселок. Блюхер, назвав пароль, сразу же спросил, где квартирует штаб троичан.

Томина будить не понадобилось. Он уже самоварничал.

— Товарищ Блюхер! Да вы ли это? — завидев гостя, рванулся к порогу.

Хотел обняться, но не получилось: забинтованную левую руку удержала на месте кинутая через плечо перевязь.

— Это когда же, Николай Дмитриевич? — кивая на руку, спросил Блюхер.

— Не в ней суть. Вишь, куда нас загнали, мать честная, — выпалил сердито Томин и потянулся здоровой рукой высвободить плетку из-за голенища сапога.

— Подбили, а неразлучницу не бросаешь? — добродушно поддел гость. — Уж не мне ли грозить ею хочешь?

— Привычка, знаете. Да вы сидайте, Василий Константинович. Чайку за кумпанство откушаете. Морковный, правда…

Блюхер не отказался. Откушав чайку, перевернул по уральской традиции кружку донышком вверх и спросил Томина:

— И что же было у вас после меня?

— Какой я рассказчик, — отмахнулся Томин. — Подождите, Русяева кликну. Тот, знаете, мастак. Начштаба теперь у меня!

— Ого! Подрос, значит, малец.

— Ноне все быстро растут.

Явился Русяев, живой смышленый юноша. Он еще в семнадцатом, когда и двадцати лет не было, вступил в ряды большевиков и стал одним из активных работников Троицкого Совета.

— Здравствуй, здравствуй, Виктор Сергеевич, — уважительно приветствовал Блюхер. — Ну, как воюется? Не сердишься на Томина? Прижимист он, знаю.

— Что вы?! Командир отличный! Если б не Николай Дмитрич, вряд ли столько б ушло нас из Троицка…

— Не лей лишку, — оборвал Томин. — Не нужны твои козыри-мозыри. Ясно?

Блюхер, подмигнув Русяеву, вроде бы поддержал Томина:

— Верно. Давай, Виктор Сергеевич, выкладывай все без прикрас.

Русяев присел к столу, начал рассказывать.

…Белочехи обрушились на Троицк 13 июня. Врага встретили артиллеристы. Но, подавив их огонь, мятежники устремились к вокзалу. Вперед пустили бронепоезд. На счастье, один из паровозов в депо оказался под парами. Начальник железнодорожной дружины Георгий Летягин велел машинисту Афанасию Мотову тараном сбить неприятеля под откос. Приказ был выполнен. Мотову удалось спастись.

Однако белогвардейцы все же прорвались на станцию и перебили чуть ли не всех железнодорожников. Погиб Летягин. Пулеметной очередью был сражен командир троицких артиллеристов Крохмалев.

Но вот развернулись в лаву красные казаки созданного в конце мая полка имени Степана Разина, возглавляемого Карташевым. И контратаку поддержали бойцы 17-го Уральского полка и интернационалисты из батальона Сакача. Вышколенные белочешские роты не выдержали такого дружного напора и к исходу дня откатились на несколько верст от города. А ночью по их тылам неожиданно ударил Томин с сотней красных казаков.

Бои за городом утихли лишь на четвертые сутки. Решив, что противник полностью деморализован, начальник гарнизона Сугаков отдал приказ о возвращении в Троицк. Дружинникам разрешили ночевать по домам. Бойцы стрелкового полка затеяли мыться в бане. И только полк имени Степана Разина был в полном сборе. Он остановился в здании напротив бывшего казачьего арсенала. Бойцы, не снимая амуниции, отдыхали во дворе. Тут же стояли нерасседланные кони. Ночь была темная, тихая.

И вдруг захлопали ружейные выстрелы, где-то рядом расписался пулемет. Во двор вбежали патрули:

— Подъем! Тревога!

Первой поднялась томинская сотня. Николай Дмитриевич тотчас распорядился:

— Посыльные, в роты 17-го и в штаб дружинников. Подымайте народ. Пулеметчики, на месте. За вами фланги. Остальные за мной!

Низко пригнувшись, понеслись томинцы к монастырю. Туда уже подкрались белочешские цепи. Залязгали клинки. Послышались стоны, ругань, ржание подраненных лошадей. Пулеметчики у арсенала пока молчали. Светало. Отчетливо стало видно, как слева от Токаревки к арсеналу густой серой массой подкатываются вражеские солдаты. Теперь-то и налегли пулеметчики на гашетки. Но врагов не убавлялось. А патроны уже на исходе. Что делать?

— Отступайте к Меновому двору. Город окружен! — прокричал промчавшийся мимо всадник.

То был Томин. По нему ударили из винтовок. Николай Дмитриевич схватился за руку, но в седле удержался и полетел дальше. Втащив «максимы» на двуколки, пулеметчики понеслись через город к Уйскому мосту. Сюда же с разных мест скакали конные, бежали пехотинцы, дружинники. Многие были босы, без верхней одежды. Каким-то чудом выкатили из города все свои орудия артиллеристы.

Выйдя к Меновому двору, красные казаки заняли оборону и обеспечили отход из Троицка всех уцелевших советских сил.

Собравшись, двинулись на Верхнеуральск. На первом большом привале командиры провели голосование. Возглавить весь Троицкий отряд доверили Н. Д. Томину.

— Вишь, как высоко скакнул — из сотенных прямо в командующие! Да не во мне дело. Прохлопали мы крепко тогда, — сердито подытожил за Русяева Томин. — От первых удач носы позадирали. Сугаков особенно. Весь гарнизон, мать честная, едва не угробили. Потеряли Крохмалева, Летягина, Аппельбаума, Малышевых, Дмитриева.

Смолк Томин. И Блюхер больше ни о чем не расспрашивал. Склонив голову над столом, помолчал со всеми, а поднявшись, сказал:

— Ну, до встреч на совете, Дмитрич.

В то утро Блюхеру довелось выслушать и еще один волнующий рассказ. Казак-ординарец проводил Блюхера до дома, в котором лежал больной председатель Верхнеуральского укома партии Николай Иванов. Когда был расформирован 163-й

Челябинский запасной полк, Иванов выехал в родной Верхнеуральск. Сплотив местных коммунистов, возглавил там партийную организацию, а позднее стал одним из инициаторов создания советских казачьих отрядов.

Сдернув с головы фуражку, Блюхер переступил порог маленькой горенки. На постели с высоко взбитыми подушками полулежал Иванов. Болезнь высушила его лицо, но глаза, в которых всегда было столько доброты и тепла, оставались прежними.

— Николай! Да что ж с тобой сталось, дружище? — не сдержался Блюхер, пожимая холодно-влажные руки товарища.

— Пустяки, — пробуя улыбнуться, ответил Иванов. — Чахотка, каменотесская болезнь. Я ведь из этого племени.

— Д-да, прилипчива она к хорошим людям.

— Подымусь. Полегчало вот сразу, как о вашем приходе узнал. А знаешь, Василий Константинович, ведь и старик Каширин с нами в Белорецк притопал. История тут особая…

Рассказывать Иванову было трудно. Мешали одышка, хрипы в груди, говорил тихо, но с увлечением.

Перековка старого станичного атамана началась, пожалуй, еще в ту пору, когда вернувшиеся с фронта сыновья скрывались на хуторах от мобилизации в белые банды. Дутов не раз допытывался у Дмитрия Ивановича, куда делись Николай и Иван, но старик твердил одно и то же:

— Кто их знает, где они. Смута кругом, отвыкли сыны докладывать батькам о себе.

Не сумел Дутов заручиться поддержкой станичного атамана и при мобилизации казаков в свое войско.

— Говори сам с народом, — отмахнулся Каширин и, пряча усмешку под окладистой бородой, добавил: — Ноне ж ты у нас самый главный, тебя и слушать людям.

Весной Дутова выбили из Верхнеуральска. Вернулись из-под Магнитной с красными отрядами сыновья — Николай и Иван. Вместе с Иваном и другими верхнеуральцами-коммунистами взялись формировать из мелких отрядов красноказачьи полки. Пехотные роты росли хорошо, а с конницей не ладилось. Старики не давали уводить коней со двора. Кричал на сынов и станичный атаман:

— Дутову не давал и вам не дам! Воюйте, как знаете…

Но преобразился Дмитрий Иванович, когда прослышал, что недобитые дутовцы соединились с белочехами и пошли разбойничать по поселкам, станицам. Сам заявился в Совет и, хмурясь, сказал:

— Пишите приказ поселковым атаманам: «Не пускать на

нашу землю басурманов. Надо помочь пехоте. Давайте коней. Каширин».

О многом еще хотелось поговорить Василию Константиновичу с давним товарищем, но надо было уже спешить в штаб Ивана Каширина.

Совещание открылось точно в назначенный срок. Председательствовал на нем Н. Д. Каширин.

Порядок дня определили следующий:

1. Ознакомление с боевой и политической обстановкой.
2. Выяснение своих сил и средств.
3. Составление общего плана действий.
4. Группировка отрядов и хозяйственные вопросы.
5. Выборы главнокомандующего.[6]

Первым о боевых действиях Верхнеуральского и Троицкого отрядов и обстановке в районе Белорецка доложил И. Д. Каширин. Он, в частности, подчеркнул, что «точных сведений о событиях в России нет, ходят только слухи».

Василий Константинович Блюхер рассказал об общем положении в Оренбурге.

> «После занятия Кинеля белочешские войска ударили на Бузулук и с помощью казаков, подошедших из Уральска, овладели городом.
>
> Отряды из Оренбурга, благодаря нерешительности Г. В. Зиновьева, не подоспели на помощь бузулукским войскам и отошли обратно. После падения Бузулука Оренбургский штаб решил эвакуировать местные войска в Ташкент».

Говоря о действиях своего отряда, В. К. Блюхер указал:

> «Затем события развертывались быстрее приказаний и заставили уральские войска выступить из Оренбурга к Верхнеуральску».

На совещании определили, что войска, собравшиеся в районе Белорецка, насчитывают 3400 человек пехоты, 1600 кавалерии, 71 пулемет и 13 орудий. Позже подошли еще несколько отрядов и общая численность активных штыков и сабель достигла шести с половиной тысяч.

При обсуждении общего плана дальнейших действий единства мнений на Военном совете не оказалось. В. К. Блюхер заявил, что его отряд стремится к Центру. На том же настаивал Н. Д. Томин. И. Д. Каширин высказал опасения, что за железной дорогой ждет неизвестность, а председательствующий свою точку

зрения выразил так:

> «Отряд желает похода на Верхнеуральск и Троицк, основываясь на том, что, подавляя контрреволюционные силы здесь, мы тем самым приносим пользу общему делу. Кроме того, бороться надо там, где опаснее, чтобы больше сразить врага».

Н. Д. Каширин учитывал и настроение отряда, «желающего идти к родным местам».

Блюхер не согласился с этими доводами.

> «Двигаясь на Верхнеуральск, — возразил он, — мы ослабим свой отряд ушедшими по домам, а продолжая поход на Троицк, сможем растерять весь верхнеуральский отряд. Возможно, что с оставшимися силами дальнейшие боевые операции станут немыслимыми».

При голосовании тринадцать участников собрания высказались за поход к центру и трое — к Верхнеуральску.[7]

Собрание единогласно решило именовать все соединение Сводным Уральским отрядом с тремя основными группами: Верхнеуральской, Троицкой и Уральской, включив в них все остальные части. Оно поручило главкому организовать главный штаб.

При выборах главнокомандующего (баллотировали тайно) голоса распределились следующим образом: за Николая Каширина — 6, Блюхера — 5, Ивана Каширина — 4. Командиры провели перебаллотировку — главнокомандующим был избран Н. Д. Каширин.

Командиры предоставили право главкому взвесить все их соображения и самому окончательно избрать направление боевых действий. На том и разъехались.

Днем 17 июля Блюхер получил в Узяне сразу два приказа за подписью главнокомандующего.

> «Помните, товарищи, — писал Н. Д. Каширин, обращаясь ко всем партизанам, — что обстановка, в которой мы сейчас находимся, в высшей степени трудна и запутана и требует от каждого из нас полного самоотречения, безусловного товарищества и самой напряженной работы. Дисциплина в отрядах должна быть доведена до крайности: все боевые приказы командного состава, выдвинутого народом, должны

исполняться беспрекословно. Судить начальника можно только после боя. Всякие личные счеты прекратить… Товарищей в бою не бросать и помнить, что теперь, как никогда, все должны гибнуть за одного и один за всех…»

Под этими строками Василий Константинович был готов подписаться как под своими собственными. Вскрыв второй пакет и прочитав текст другого приказа, Блюхер, обратившись к И. С. Павлищеву, сказал:

— Троичане и верхнеуральцы завтра выступают из Белорецка. Пока идет все верно. Готовьте полк, Иван Степанович. Выступаем и мы.

«Наша задача, — подчеркивал главком, — пробиться на соединение со своими частями, действующими со стороны центра, с которыми и установить связь. Ближайшей нашей задачей ставлю переход всего отряда через железнодорожную линию Челябинск — Уфа…»

И в следующем приказе от 20 июля 1918 года Н. Д. Каширин прежде всего указывал:

«Общая наша задача, выбравшись из горной и бедной хлебом полосы, двинуться в направлении на север от Верхнеуральска к линии железной дороги. Перейти железнодорожную магистраль на участке Челябинск — Златоуст и, двигаясь дальше в северном направлении, соединиться с нашим центром.

Ближайшая наша задача — обеспечить временно себе тыл, овладев узлом грунтовых дорог, выходящих из Верхнеуральска в необходимом для нас северном направлении».

Да, основные цели наступления в течение первых дней боевых действий главком определял, сообразуясь с мнением большинства командиров, — двигаться на север, к центру, то есть к Екатеринбургу.

Николай Дмитриевич Каширин был боевым, талантливым командиром. Есаул казачьей дивизии, он к концу войны заслужил шестую по счету офицерскую награду — орден святого Владимира, а вскоре был тяжело ранен. Пулю, как узнал позже, принял от своих, от казаков из полка, которым командовал давний его завистник, войсковой старшина А. И. Дутов.

На фронте Н. Д. Каширин проникся революционно-демократическими настроениями, а в апреле 1918 года стал

членом РКП(б). И брат его, Иван Дмитриевич, осенью 1917 года предстал перед судом войскового казачьего круга за то, что был избран рядовыми чинами заместителем председателя дивизионного казачьего комитета. Дутов, ставший в Оренбурге наказным атаманом, попробовал отыграться и на младшем Каширине. Он настаивал:

> «За вредную большевистскую пропаганду подъесаула Ивана Каширина предать общественному позору и предупредить, что в случае продолжения вредной деятельности он будет лишен казачьего звания, чинов, орденов и подвергнется беспощадной расправе».

Однако казаки не приняли резолюции верхушки войскового круга и оправдали Ивана Дмитриевича.

В том, что Каширины смелые боевики и преданнейшие Советам люди, Блюхера убедили еще их действия в борьбе с дутовцами под Троицком. В Оренбурге же, а особенно в дни совместного похода на Белорецк у него завязалась крепкая дружба со старшим из братьев. Он видел в Николае Дмитриевиче высококультурного военного специалиста, наделенного незаурядным командирским талантом, ценил его храбрость, решительность, уважал за простоту, прямой и открытый характер.

2

Отряд В. К. Блюхера, основу которого составлял 1-й Уральский стрелковый полк РККА, прибыл из Узяна в Белорецк по специальному распоряжению главкома. Н. Д. Каширин решил приблизить к себе свой основной резерв, чтобы использовать его более оперативно и действенно.

Остальные отряды уже покинули поселок, выступив из него тремя огромными колоннами. Белорецкий полк с двумя сотнями 1-го Верхнеуральского кавалерийского полка сразу же взял курс круто на север, имея задачу надежно прикрыть левый фланг всего Сводного отряда.

В центре, по Верхнеуральскому тракту, в направлении на село Казаккулово двигались троичане Н. Д. Томина. Верхнеуральцы держались правее, нацеливаясь на захват Большого и Малого Бугодака.

Весть о первой победе пришла в Главный штаб к исходу 19 июля. Белоречане еще утром завязали бои с Тирлянским гарнизоном белоказаков. Противник весь день упорно сопротивлялся, но к вечеру партизаны обошли заводской поселок

с флангов и стремительной атакой ворвались в Тирлян.

Уверенно пробивались вперед, сбивая неприятельские заслоны, троичане и верхнеуральцы. Иван Каширин донес утром 20-го, что хутора Малый и Большой Бугодак очищены от белоказаков. Позднее и Томин доложил о занятии деревни Казаккулово.

В тот день Н. Д. Каширин еще твердо стоял на том, что основная задача отряда прежняя — пробиться от Верхнеуральска на север, к линии железной дороги. Однако сутки спустя, когда наметился общий успех, он произвел перестройку боевых порядков Сводного отряда, принял меры к более тесному взаимодействию между его главными группами, распорядился не дробить кавалерию и отдал приказ о непосредственном наступлении на Верхнеуральск.

И основную задачу при этом главком поставил В. К. Блюхеру, предписав:

> «После сосредоточения отряда в д. Казаккулово двигаться в боевом порядке через деревни Узунгулово — Сазынбаево — хутор Вятский на город Верхнеуральск с целью овладения этим пунктом…»

Н. Д. Каширин прежде всего стремился к тому, чтобы взять в свои руки весь Верхнеуральский узел дорог и таким образом создать более благоприятные условия для последующего движения отряда на Миасс и далее, к Екатеринбургу. Но держал он, как видно, в мыслях и другое — выбить хотя бы на сутки-двое противника из родного города, спасти оставшихся там товарищей и семьи боевиков.

Получив приказ сменить троичан в Казаккулово, уральцы Блюхера сразу же выступили из Белорецка и, достигнув указанного пункта, начали движение по Верхнеуральскому тракту. Перед решительным штурмом города Василий Константинович разместился со своими помощниками в хуторе Вятском. Тут же находился и полевой штаб главкома.

Знакомясь с его работниками, Блюхер в одном из них к немалому своему удивлению узнал Голубых:

— Михаил, здравствуй! Ты-то как здесь очутился? Ведь в Златоусте же был…

— Еще в июне меня командировали в Верхнеуральск, чтобы договориться о помощи нам кавалерией и продовольствием. Все получил, все в путь направил… — рассказывал Голубых. — Да поздно оказалось. В Златоуст уже вступили белочехи. Иного выхода, как возвращаться обратно, к Ивану Дмитриевичу, не было. Опять боевая работа захлестнула.

— Теперь уж, видать, надолго, — раздумчиво проговорил Блюхер.

Уже тогда остро чувствовался «патронный голод». Н. Д. Каширин требовал от командиров «обратить самое строгое внимание на необходимость экономить патроны и не допускать ни в коем случае бесцельной стрельбы. Стрельбу разрешать только по ясно видимой цели».

Главный штаб одолевали гонцы из всех отрядов. И первая просьба — патроны. Каждый при этом доказывал, что его участок самый важный. И Голубых подал тогда, как показалось многим, более чем странную идею, предложил сделать деревянные трещотки и использовать их как пулеметы. Каширин сперва посмеялся, а подумав, уже вполне серьезно сказал, чтобы было отдано приказание о срочном изготовлении первой серии «деревянных пулеметов».

Трещотки эти в военное время прижились во многих учебных командах и школах прапорщиков старой армии. Применялись они, конечно, лишь как имитационные средства на тактических занятиях. Однако треск издавали сильный и весьма близкий к реальному пулеметному.

И вот получен первый воз трещоток. Поделили их поровну и направили в отряды. Командиры нашли им должное применение. Увидел как-то это «изобретение» и Блюхер. Тоже всерьез его сперва не принял, но… на следующий день прислал Николаю Дмитриевичу записку:

«Прошу выслать мне пулеметов «системы Голубых».

До Верхнеуральска версты четыре-пять. Близок казачий город, а так просто в него не войдешь. На пути встала гора с немудреным названием Извоз. Белогвардейцы перекопали с трех сторон ее склоны траншеями, понатыкали множество пулеметных гнезд, впереди расставили колья с колючей проволокой, нарыли волчьих ям. Противник сверху отлично наблюдал за партизанами и при малейшей попытке продвинуться вперед прижимал к земле.

В первый день боев под Извозом тяжелое ранение получил Николай Дмитриевич Каширин. Главкома отправили в Белорецкий госпиталь. Командование партизанскими частями принял на себя Иван Каширин. Тогда же поступили сведения о захвате белочехами Екатеринбурга.

Вечером 27 июля Блюхер и Томин прибыли в штаб к Ивану Каширину. Каширин не стал возражать против отвода войск в Белорецк, но при условии, что предварительно будет дан решительный бой здесь, под Извоз-горой.

Блюхер и Томин согласились, что, действительно, приказ о

немедленном отходе может быть воспринят бойцами как слабость их армии. Кроме того, поспешное отступление партизан дало бы возможность врагу сразу всеми силами броситься в преследование и нанести отрядам огромные потери.

…Дорогой ценой добывались данные о враге. Гибли храбрейшие из храбрых, падали на крутых склонах Извоз-горы. Лишь к вечеру стали известны уязвимые места вражеской обороны.

Решающий бой назначили на 28 июля. Отряд Блюхера с верхнеуральскими пехотинцами Ивана Погорельского должен наступать в центре. Развитие успеха на левом фланге от Извоза в сторону деревни Чурманово обеспечит Троицкий отряд Томина. Красные казаки Ивана Каширина нанесут удар справа — от озера Малый Бугодак. Они же частью спешенных сотен помогут пехоте в захвате главных вражеских укреплений.

Закатилось позднее июльское солнце. Сумерки навели свою маскировку. Время. Рванулись вперед уральцы. Хорошо, очень хорошо продвигалась вверх рота Захара Михайлюка. Бойцы карабкались на крутую лысую гору. Неслись навстречу свинцовые рои, жалили ранами, вздымали пылищу, слепили глаза.

До проволочных заграждений добрались далеко не все из тех, кто еще полчаса назад был у подножия горы. Заграждения пробивали тяжестью собственных тел. Бросались с размаху на проволоку, раздирали в клочья одежду и кожу, выкручивали голыми руками колья. В проходах сбивались гуськом и снова цепью вперед.

У вершины — заминка. Приотстал правый фланг, где в пешем строю наступала сотня казаков-верхнеуральцев под командованием Семена Галунова. Она наткнулась на окопы офицерской казачьей роты.

— Не стреляйте, станишники! — полетели выкрики. — Опомнитесь, братья!

Замедлили шаг бойцы. Подкралась, видать, жалость.

— Провокациям не поддаваться! Бей белую сволочь! — И Семен Галунов помчался вперед вместе с комвзвода И. Д. Кожевниковым.

По командирам застрочили из пулемета. Галунов рванул из-за пояса гранату, расчетливо метнул ее. Стрекотня пулемета оборвалась. Завязалась рукопашная.

Дерзкий бросок сотни Галунова прибавил смелости пехотинцам Уральского отряда. Они также сбили врага со своего участка вершинного плато.

К рассвету конники Каширина и Томина смяли противника на обоих флангах и вышли на окраины Верхнеуральска. Извозские

твердыни пали. Враг покинул город и откатился к востоку от него под защиту Каменных сопок. Теперь бы, казалось, и развивай успех. Но… остановились партизанские полки.

Вскоре прокатились слухи, что отряды Блюхера и Томина собираются отходить назад, к Белорецку. Верхнеуральцы заволновались и решили идти к Каширину. Но опередил Иван Дмитриевич своих земляков, сам прискакал в полки. Ждали, с победой поздравлять будет, а он поздоровался угрюмо, без привычных шуток-прибауток: уж не с братом ли беда?

— Николай Дмитриевич-то как? — посыпались вопросы. — Лекари что бают?

— Не сомневайтесь, здоров будет Николай, — сухо ответил Каширин. — Не с тем пришел к вам, казаки… Чехи Екатеринбург взяли. Кружным путем двинемся до своих. Через Белорецк и дале. Там и счеты с врагом вести будем. Ждите приказа.

Не до сна было в ту ночь казакам в сотне Семена Галунова. Гасла одна цигарка, раскуривали другую. Молчали.

Пополуночи прискакал нарочный с приказом от начальника штаба Енборисова. Удивился сотенный: Каширин одно говорил, а Енборисов другое гнет — велит к югу, на Бугодак отходить. Но приказ есть приказ. Скомандовал: «По ко-оням!»

Галуновцы скакали за третьей сотней. Поначалу та шла неторопкою рысью. Но вот к общей колонне присоединились Енборисов, комполка Каюков с ординарцами и увлекли за собой сотни. И что странно — все левей да левей начали забирать. «Эдак и к белым завалиться недолго», — смекнул Галунов и осадил коня.

Остановились и его казаки. Криком задержали третью сотню. Ведущие ж рванули резко влево. Сомнений не оставалось: Енборисов и Каюков с приближенными скакали в расположение врага.

— Изменники, стой! Огонь по предателям!

Поздно. Ни слову, ни пулям было уже не догнать шайку трусов. Однако измена дальше штабной верхушки не пошла. Не повернула по домам казачья беднота, не подвели фронтовики своего молодого командира. В строгом порядке Иван Каширин повел бойцов отряда следом за блюхеровцами, на Белорецк.

3

Утром 2 августа 1918 года партизанские командиры съезжались к особняку бывшего управляющего Белорецкого завода. Оставив коней на привязи во дворе, обходили громадину

здания и с улицы степенно поднимались по крепким ступеням парадного крыльца в штаб Сводного отряда. При входе охрана проверяла документы.

— Свои, аль не видите? — бурчали некоторые и норовили оттиснуть часовых в сторону. — Ишь, тайны выдумывают.

За часовыми стоял насупившийся Томин. Похлестывая плетью по пыльному сапогу, сердито выговаривал:

— С порядку не сбивайте, други хорошие. Без тайн пускай бабы воюют. Ясно?

Совет собирался в обширной гостиной особняка. Ожидая открытия, дымили самосадом. В десять часов Иван Каширин и Блюхер заняли места в голове длинного стола.

— Бросай сосульки, товарищи, — объявил Каширин. — После додымим.

Первым решали вопрос о выборе нового Главнокомандующего. Воцарившаяся тишина мигом лопнула. Загремела гостиная на все лады:

— Зачем нового?

— Верим Каширину!

— С ним и дальше пойдем.

— Не гудите, товарищи. Тише! — обратился Иван Каширин к командирам. — Дайте хоть слово сказать. Не вояка сейчас Николай Дмитриевич, а конь стреноженный. И я в настоящее время более чем когда прежде обязан быть с верхнеуральцами. Весь отряд на том настаивает. Предлагаю избрать на пост главкома Василия Константиновича Блюхера. Он — представитель Уралобкома партии в наших рядах. Ему и командовать нами, вести на прорыв. Бойцы уважают его, пойдут за ним, а мы все обязаны помогать ему. Я голосую за Блюхера.

Убедил Каширин.

— За доверие благодарю, — сказал Блюхер. — Служить буду по совести. Но и за строгость не взыщите. Положение тяжелое. В руках белочехов Поволжье, большая часть Урала. Мы по-прежнему в кольце врагов, линия фронта за эти две недели, должно быть, отошла от нас еще дальше. Белорецк — надежная и хорошая база. Но до конца и здесь не удержимся. Силы у нас немалые. А чем питаться? Продовольствия нет и взять его негде. А сколько патронов? По сотне на брата. Со снарядами тоже не густо…

— Так выходит нечем отбиваться, — выкрикнул кто-то. — Бросай оружие!

— Нет, — возвысил голос Блюхер. — Не обороняться будем, а наступать. В этом наше спасение. Надо идти вперед, сбивая заслоны врага, идти навстречу Красной Армии. Для этого нам

нужно пробиться за линию Самаро-Златоустовской железной дороги. Раньше мы пытались пересечь ее со стороны Верхнеуральска. Не получилось. Захват врагом Екатеринбурга вынудил нас вернуться в Белорецк. Теперь пойдем на прорыв через Богоявленский и Архангельский заводы. Там действует многочисленный отряд Калмыкова. Связь с ним установлена. Уверен, общими усилиями мы пробьем брешь восточнее Уфы и выйдем за линию фронта.

Снова вспыхнули споры. Выплыл опять старый туркестанский вариант. Его сторонники убеждали, что путь на юг, к Ташкенту, самый легкий, безопасный и притом хлебный.

— Хорошо. Пойдем животы хлебом набивать, а Республика пускай одна кровью обливается. Так, что ли? — резко спросил Блюхер. — Нет и нет, товарищи. Мы — коммунисты, и мы не позволим уводить от активной борьбы столь внушительную силу.

Получили отпор и «оборонцы», предлагавшие отсиживаться в горах до лучших времен. Томин тут же окрестил их «седунами» и, взяв слово, хлестко заявил о своей линии:

— В горах сидеть хотите? Чтоб скапканили беляки всех нас, как сурков слепых? В отсидки пусть трусы играют, а нам Блюхера слушать надо. И все тут.

Споры затихли. Проголосовали.

— Итак, решено — идем к Центру, — подытожил Василий Константинович, закрывая совет. — Отныне и воля, и действия наши должны быть железными. Готовьте части к походу. Сгоняйте подводы. Поднимайте на колеса все, что можно эвакуировать. Подробности в приказе.

Командиры начали расходиться. Блюхер попросил Павлищева задержаться.

— Иван Степанович, я решил поставить наш Уральский отряд в авангард всей колонны. Выступить вам придется первыми. За сутки закончите сборы?

— Полк подниму.

— Этого мало. С сей минуты вы назначаетесь командующим Уральским отрядом.

— Приказ?

— Да.

— Извините, товарищ главком, но выполнить его не могу.

— Почему?

— Я — беспартийный и не в состоянии нести ответственность за политические настроения отряда.

— Ответственность за это будет оставаться на мне, а по командной линии инициативу полностью берите в свои руки.

— Не получится и это. Я пока командир только для 1-го

Уральского полка, остальные же вправе и не подчиняться мне, назначенному на должность командующего. Ведь всех других выбирали, и за вас мы только что голосовали…

— Хорошо, едем в отряд. Соблюдем все формальности, — улыбнулся Блюхер. — Верю, что бойцы и командиры поддержат вашу кандидатуру.

Выборы, как и ожидал главком, прошли без каких-либо осложнений. И. С. Павлищев стал выборным командующим Уральского отряда.

Воспользовавшись встречей со старыми боевыми друзьями, Василий Константинович разъяснил им задачи и цели нового похода:

— Несколько бывших казачьих офицеров сбежали к белогвардейцам. Но предатели не изменят общего хода событий. У нас впереди немало трудностей. Побороть их можем только единством воли и действий. Чего бы это ни стоило, мы пробьемся на соединение с регулярными частями Красной Армии и, влившись в ее ряды, победим всех врагов.

Блюхер не выступал с большими речами. Говорил коротко, но вдохновенно, умел зажигать людей своей убежденностью.

Поздним вечером того же 2 августа В. К. Блюхер издал приказ, которым объявил о своем избрании высшим командным составом Главнокомандующим всеми отрядами. Для сконструирования Главного штаба было велено каждому отряду выслать по два представителя. Начальником штаба остался А. Я. Леонтьев. За М. Д. Голубых сохранились обязанности адъютанта по оперативной части. Среди работников штаба были Я. М. Суворов и Н. В. Баранов.

Баймакский и Стерлитамакский отряды вошли в состав 17-го Уральского полка. Белорецкий стрелковый полк был направлен на усиление И. Д. Каширину, а из двух верхнеуральских кавалерийских образовался один — под командованием С. П. Галунова.

Таким образом, три прежних основных боевых единицы Сводного отряда сохранились, но структура их теперь была такова:

Уральский отряд (1-й Уральский стрелковый полк РККА, Екатеринбургский кавалерийский эскадрон, Оренбургская конная сотня и Челябинская артиллерийская батарея — командующий И. С. Павлищев);

Троицкий отряд (17-й Уральский стрелковый полк РККА, 1-й социалистический имени Степана Разина, Троицкая артиллерийская батарея — командующий Н. Д. Томин);

Верхнеуральский отряд (Верхнеуральский стрелковый полк,

Верхнеуральский кавалерийский, Белорецкий рабочий стрелковый, отдельная Белорецкая кавалерийская сотня и артиллерийская батарея — командующий И. Д. Каширин).

Первые четыре параграфа приказа главкома были предельно лаконичны. Последний же, пятый, занял почти две трети машинописного текста. И на это имелись особые причины. Новый главком счел нужным подробно разъяснить, чем руководствовался высший комсостав при выборе направления на Екатеринбург. Он писал:

> «Путь к линии железной дороги через Верхнеуральск был выбран по следующим соображениям: нанеся сильный удар под городом, мы рассеиваем насильно мобилизованных казаков, как уже показали предыдущие опыты, следовательно, открываем себе путь к намеченной цели с наименьшей затратой сил и материальной части, тогда как другие пути этих преимуществ не давали. Наши предположения уже оправдались, в рядах противника началось уже разложение, распад был близок, достаточно было еще сделать один сильный нажим…»

О падении Екатеринбурга В. К. Блюхер счел нужным не говорить. Упор сделал на изменнические поступки Енборисова и других казачьих офицеров, подчеркнув, что предатели раскроют все их планы противнику. Поэтому

> «мы должны выбрать новое направление на присоединение к нашим силам, опирающимся на базы. Оставаться здесь, в Белорецке, мы не можем, так как противник это сочтет за нашу слабость и, безусловно, поведет против нас активные действия, с тем чтобы нас взять в кольцо, и тогда нам трудно будет прорывать это кольцо».

— Может быть, — напрямую говорил главком, — у многих красноармейцев возникнет сомнение в том, стоит ли идти в новом направлении, не лучше ли остаться здесь и где-нибудь укрыться. Товарищи, такое решение будет весьма гибельным, так как легче всего переловить и передушить нас поодиночке, а когда же мы будем двигаться кулаком, справиться с нами трудно, потому что мы можем бороться и пробивать себе путь сплоченной силой. Итак, вперед! Кто малодушен, оставайся, но помни, что одиночки — не сила и легко могут быть переломлены противником».

Кипела работа в Главном штабе. Блюхер и все его помощники считали, что с наибольшими трудностями Сводный отряд встретится при переходе через линию железной дороги близ Уфы. Белогвардейцы будут обладать рядом преимуществ. У них большие запасы патронов и снарядов. Железная дорога и судоходные Белая и Уфа обеспечат свободную маневренность их частей. Главком призывал приложить максимум усилий для того, чтобы ослабить противника именно там, при переходе через стальное полотно. Была сформирована небольшая саперная команда, возглавляемая М. Голубых. В ее задачу входило — разрушать за собой железную дорогу, портить телеграфную линию.

На редкость знойным выдалось то лето в Белорецке. Побурела от пыли, приутихла игривая Белая. За плотиною сжалась и поблекла синь заводского пруда. Зарделись на его берегах, как под пламенем, одинокие сосны. Высохли травы на горах. Одну лишь полынную горечь крутил суховей.

И на душе у белоречан была та же горечь. На рассвете 5 августа через плотину завода прошла последняя партизанская рота. Армия Блюхера уходила Стерлитамакским трактом в горы хмурого Ала-тау.

Что ж, прощай, Белорецк. Твои защитники покидают тебя. Но, знай, это не бегство, не отступление. Отряды лишь изменили курс своих действий. Они не уходят от борьбы, они продолжают грудью идти на врага, идти туда, где могут принести наибольшую пользу Рабоче-Крестьянской Республике.

Метнулась с гор стремительная Нура. Теперь только считай перевалы. Дорога сузилась. Слева шумит в каменистой теснине Белая, справа дыбятся скалы. Пехота двигалась в центре. В авангарде шли конники. Разъезды бокового охранения пробивались горными осыпистыми тропами. Тянули за собой на кручи коней, срывались…

По пятам неотступно следовали белоказаки генерала Ханжина. Нередко и впереди оказывались их засады. А тут и погода помехи чинить вздумала. Только втянулись в глубь Ала-тау, внезапно резко похолодало, шквальный ветер нагнал тяжелые тучи. Разразился ураган небывалой силы. Несколько часов подряд ревела разбушевавшаяся стихия, а люди, голодные, разутые и полуодетые, продолжали шагать и шагать.

Блюхер понимал, что в сложившейся обстановке поддержать твердость духа бойцов могут лишь хорошие, ободряющие вести. Но откуда их брать? Из Центра никакой информации о положении в Республике и на фронтах давно не поступало. Партизаны шли по селам и деревням, зараженным вражеской

агитацией, в белогвардейских листовках читали о том, что основные силы Красной Армии уничтожены, что пали Москва, Петроград…

Эта лживая писанина действовала особенно угнетающе. Но как оградить от нее людей? Как не позволить гаснуть в них вере в идеалы революционной борьбы? И Блюхер нашел единственно верный ответ на вопросы: надежда прежде всего на коммунистов, на их стойкость и мужество. Нужно, чтобы об их подвигах знала вся армия, чтобы каждый воин брал себе в пример отвагу и доблесть партийцев.

И заработала служба собственной информации. Из отрядов и частей в Главный штаб потекли сообщения о первых героях рейда. Вместе с боевыми приказами развозили их по полкам и отрядам ординарцы, а там уже безостановочно летела дальше из уст в уста добрая молва о партизанских победах. И не беда, что отдельные детали опускались, другие, наоборот, усиливались — и рядовые факты боевой хроники перерастали в легенды.

Уже на вторые сутки рейда при переходе между Серемeнево и Узяном отличились пятеро троицких артиллеристов во главе с командиром — коммунистом Григорием Пивоваровым.

Отбив очередной наскок белоказаков, артиллеристы снялись с позиции и покатили догонять главные силы. Но вблизи последнего, шестого, орудия разорвался снаряд. Серия новых разрывов заставила расчет залечь. Лошади с перепугу рванули и понесли орудие в сторону противника.

Стихло. Приподнялся с земли Григорий Пивоваров. Номера лежали кто где. Живы ли? Подполз к наводчику Ивану Сучкову: цел и невредим. Двинулись вместе поднимать остальных — Шамина, Титова, Семикашева.

— Прошляпили орудие, черт нас дери! — выругался Пивоваров.

— А может, и не докатилась упряжка? — усомнился Семикашев. — Застряла где-нибудь? Лесище-то вон какой!

— Как бы не так! А впрочем. Айда за мной!

Пивоваров имел при себе наган и две гранаты. У остальных были винтовки и тоже по паре гранат. Артиллеристы двинулись гуськом по лесу, держась просеки, по которой только что пролетела шальная упряжка. Вскоре они услышали конское фырканье. Пивоваров осторожно раздвинул кусты.

— Есть! — шепнул товарищам. — Орудие и кони тут.

Возле упряжки сновали казаки. Двое, подхватив коренных за поводья, понукали коней. Стрелять по казакам? Опасно, можно подранить и лошадей, а без них орудие не вытянешь. Лучше спугнуть беляков.

Метнули Пивоваров с Сучковым по гранате в разные стороны. Казаки попадали навзничь, а после вскочили и — наутек. Покинув засаду, артиллеристы, не мешкая, развернули упряжку. Трое в седла, Пивоваров с Сучковым — на передок, лицом к противнику.

Через полчаса шестое орудие заняло свое место в походном строю батареи. Однако незаметно проскочить мимо Томина не удалось. Налетел тучей, рубя плеткой воздух:

— Плутаете! Порядок забыли?!

— Орудие вытаскивали. К белякам оно закатилось. Но отбили, как видите! — не без гордости доложил Пивоваров.

Пошумев еще для острастки, Томин отъехал в сторону и негромко приказал ординарцу:

— Скачи до Блюхера. Расскажи про этих.

…Чем дальше в горы, тем чаще из конца в конец многотысячной колонны проносились вести о новых и новых подвигах партизан. Особую славу в те дни обрела молодежная Белорецкая конная сотня. Командовал ею сын старого большевика-политкаторжанина Григорий Штырляев. Рабочие парни даже бывалых кавалеристов поражали своей отвагой и удалью. Но однажды с ними случилось такое, о чем никто не мог говорить без смеха.

За Узянским заводом сотня Штырляева, как и обычно, следовала замыкающей. После страшного ночного урагана снова выкатилось знойное солнце. К полудню одолела истома. Заскучали ребята, заклевали носами в седлах. Рассердился Штырляев: этак дело не пойдет! Глянул влево — до реки рукой подать и спуск удобный. Была — не была. Крикнул сотне:

— Скачи, ребята, к воде. Окунемся.

Спустились к воде, разделись. Но только во вкус вошли, видят, рванулся Штырляев из реки с криком:

— По коням, ребята! По ко-оням!

Из леса, стреляя на ходу, неслись казаки. Облачаться некогда. Схватили оружие, голышом — на коней и понеслись на врагов с присвистом, сверкая над головами сабельной сталью. Колючая хвоя хлестала по мокрым телам, сучья в кровь раздирали кожу.

Атака, начатая нагими конниками, вскоре переросла в крупный бой, в который был втянут весь Верхнеуральский кавалерийский полк. Услышав об атаке штырляевцев, не удержался и Блюхер от смеха.

— Нет, товарищи, как хотите… как хотите, но должно быть это впервые… впервые в военной истории кавалерия голой ходила в атаку, — проговорил он.

Во время переходов главком то и дело совершал пробеги с

одного конца колонны в другой. Проверял надежность всех видов охранения, интересовался настроениями беженцев, самочувствием раненых.

Бывая в подвижном госпитале, обязательно проведывал Н. Д. Каширина, советовался с ним по важнейшим вопросам жизни и боевой деятельности отряда, а то и просто так версту-другую ехал подле его двуколки, чтобы ободрить товарища, не дать ему заскучать.

…8 августа главные силы партизан вышли к Каменным утесам — к последней скалистой заставе сурового Ала-тау. Залюбовался Василий Константинович открывшейся картиной. Постоял, посмотрел, запрокинув голову, на высоченные громадины скал и вздохнул облегченно. Горная дорога пройдена. За утесами — степи, дубравы раздольные.

Пришпорив коня, Блюхер обогнал растянувшуюся колонну троичан и к обеду был уже в Макарово, куда еще накануне вступил авангардный Уральский отряд. Павлищев доложил главкому о результатах разведки в стороны Стерлитамака и Богоявленского завода. Блюхер немного помедлил, а затем коротко приказал:

— Направляйте посыльных за командирами. Совет назначаю на 19.00. Действуйте, а я чуток отдохну.

Выразительным кивком Павлищев указал своим помощникам на двери. Не ослабляя ремней, не снимая сапог, Блюхер прилег на деревянную скамью. Но заснуть не сумел. Поднялся, прошел к столу, развернул на скобленых досках карту, склонился над нею.

«Куда же теперь? Прямо на Стерлитамак? Силы у противника там не малые. Ударная дутовская группировка, несколько отборных рот белочехов. Это только по нашим данным. В действительности может быть и больше. Вероятно, и сомнем их. Но и в выигрыше вряд ли окажемся. Потери, как и под Извозом, будут большие, боезапас вконец растранжирим. А дальше? По голой степной равнине придется идти. Начнут там бить нас и в хвост и в гриву».

Отмерил несколько шагов по половицам пустой горницы, вернувшись снова к столу, принялся внимательно оценивать местность ближней, правобережной стороны.

«Н-да, многовато тут хитрых препятствий. Леса все, реки да речушки. Слева — Белая, справа — горы. Опять в тисках будем. А что? Это и лучше — за фланги меньше беспокойства. А главное — Калмыков впереди! Держится молодчина! К нему, только к нему и спешить надо».

В Стерлитамак отряд Калмыкова вступил 3 июля. Весь день Михаил Васильевич пытался связаться с Уфой. Телеграф молчал. Застучал только глубокой ночью. В переговоры с Калмыковым вступили неизвестные ему Харченко и Махин. Представились членами ревкома. Они категорически потребовали идти в Уфу, причем левым берегом Белой. Это насторожило Калмыкова. Не ловушка ли? Он знал, что белочехи уже захватили Чишму, Алкино, Юматово. Выйдя к Уфе с западной стороны, отряд мог попасть под удары более сильного противника.

Михаил Васильевич посовещался с помощниками. Венедикт Ковшов, М. И. Озимин и П. С. Опарин поддержали его решение идти к Уфе по правому берегу с заходом в Богоявленский завод и окрестные поселки, где имелась возможность пополнить свои ряды новыми боевиками. Вечером 5 июля богоявленцы встречали бойцов Сводного Уфимского отряда.

На новые телеграфные запросы никаких ответов из Уфы не последовало. Калмыков решил выслать разведку. Той же ночью начальник штаба Венедикт Ковшов в сопровождении пулеметчика Шарова выехал в северном направлении.

Вернулись разведчики неожиданно скоро. Доехать смогли только до деревни Чесновка, где и узнали мрачную новость. Уфа пала в ночь с 4 на 5 июля. Части гарнизона и советские учреждения эвакуировались по Белой в район Камы. Не обошлось без измены. Эсер Харченко еще до сдачи города перебежал к белочехам. Следом за ним предложил свои услуги неприятелю и бывший полковник царской армии Махин.

— Правильно, что не послушались этих сволочей, — процедил Калмыков.

— Теперь ясно, почему они затягивали отправку к нам барж с боеприпасами и обмундированием, — проговорил комиссар Василий Зудов.

— Да, без всего этого нам совсем была бы труба, — признал Калмыков.

О благополучном прибытии барж в Табынское Михаилу Васильевичу уже сообщили. Успешно прошла и перевалка столь ценного груза на гужевой транспорт. Поселковый арсенал получил два горных орудия с 96 снарядами, 43 пулемета системы «Люис», 850 снарядов для трехдюймовых пушек и 200 тысяч патронов, а на складские полки легло три тысячи комплектов обмундирования.

Узнав о падении Уфы, командиры Симского и Аша-Балашовского отрядов Фролов и Борщев стали настаивать на немедленном уходе из поселка.

— Нельзя, товарищи, нельзя нам в эти дни распылять силы.

Как никогда, должны быть сжаты в крепкий кулак, — убеждал Калмыков. — Действуя сообща, будем сильнее в обороне, а понадобится и на прорыв пойдем гораздо уверенней.

Фролов и Борщев упрямились, вели шумные споры.

— Идите, — отмахнулся в конце концов Калмыков, — но попомните мое слово: не удастся вам пройти через чешские кордоны, а тем более в одиночку отстоять свои заводы.

Симцы и ашинцы ушли из Богоявленска, ушли и бесславно погибли. Оба отряда наткнулись на крупные группы противника. Боя с ними не выдержали, бойцы были пленены и обезоружены, а командиры — расстреляны.

Узнав об этом, Калмыков решил объединить своих боевиков с рабочими и крестьянско-бедняцкими отрядами, которые действовали вблизи Богоявленска. На общем собрании установил личные контакты с Владимиром Данбергом, Лаврентием Барышевым, Матвеем Лантухом и Григорием Слободиным, которые представляли боевые дружины Архангельского завода, Зилима, Ахметкино и Красного Яра.

Бойцы их были людьми обстрелянными. Боевое крещение получили еще в борьбе с кулацкими повстанцами, поднявшими в июне мятежи чуть ли не во всех окрестных поселках и деревнях. Особенно радовала своей крепостью, внушительностью боевая рабочая дружина Архангельского завода во главе с Владимиром Данбергом.

Весомым оказался и доклад командира красных зилимцев Лаврентия Барышева:

— В отряде 650 человек. Состав интернациональный: русские, латыши, башкиры, татары. Вместе с красноярцами Григория Слободина держим под своим контролем все переправы через Белую в районе наших сел.

Посветлел Михаил Васильевич. Горечь недавних дней уходила напрочь, сменялась уверенностью, что силы есть немалые и, если хорошо организоваться, можно выстоять, а затем подумать и о большем.

— Да-да. Многое, конечно, не ясно, — проговорил Калмыков, подходя к карте: — Линии фронта наших войск не известны. Центр молчит. Не дает знать о себе и Уфимский ревком. Но у нас картина-то в целом вырисовывается неплохая. Судите сами. Берег вниз по Белой и весь район Усолки контролируют богоявленцы. Выше — зилимцы, ахметкинцы, красноярцы. На Симе архангельцы поставили заслон. Переправы у Табынска, Ахметкино и Михайловки тоже в наших руках. Это настоящий фронт! Верст сто, не меньше. Удержать его в силах?

— Пока держим, — пробасил Матвей Лантух.

— И будем держать, — рубанул рукой Калмыков. — А территория в наших руках какая?

— Республика целая, — подали новую реплику.

— А что? И верно — республика, пусть малая, но наша, с нашей Советской властью, — подхватил Калмыков. — И название ей подходящее есть. Красной Усольской смело звать можем…

Все согласились, что до полного выяснения обстановки и установления связи с уфимским ревкомом необходимо оставаться на местах, ведя решительную борьбу с белогвардейцами партизанскими методами.

Рождение Красной Усольской республики и ее вооруженных сил стало свершившимся фактом.

Вскоре в Богоявленск проникли сведения о том, что и в рабочем Белорецке устояла Советская власть, что туда из Верхнеуральска и Троицка пробились красноказачьи отряды Ивана Каширина и Николая Томина. Следом докатилась молва и о движении к Белорецку из-под Оренбурга отрядов Блюхера и Николая Каширина.

— Держит Василий Константинович свое слово. Не покинул Урал, идет по нему. Надо срочно налаживать связь, — принял решение Калмыков.

Провести эту нелегкую разведку было поручено пятнадцати боевикам. Старшим назначили Федора Калмыкова. Особое задание имел и Василий Зудов. Под подкладкой его пиджака было зашито написанное на холсте письмо с просьбой о выдаче для боевых нужд Красной Усолки 250 тысяч рублей.

Только проводили связных к Блюхеру, как дали знать о себе и члены Уфимского ревкома. Пробились оттуда Федор Ландграф, Иван Кременчуг и Константин Жеребов, не побоялись дважды пересечь линию фронта. И сделали это для того, чтобы сказать товарищам по борьбе: на берегах Камы и Волги держится красный фронт, а главное — живы Советы в Москве и Питере, жива и наращивает день ото дня силы для отпора врагам Рабоче-Крестьянская Красная Армия!

Немало добрых вестей привезли и Федор Калмыков с Василием Зудовым. Наперебой рассказывали о партизанской столице — Белорецке, о слиянии всех собравшихся в ней советских отрядов и полков в единую армию.

— А кто командует ею? — нетерпеливо спросил Михаил Васильевич.

— Главкомом избран Николай Каширин, его заместителем — Василий Блюхер и Иван Каширин. Наступление повели на Верхнеуральск. В случае удачи и нам дадут сигнал двигаться следом.

— Ну?! Молодцы! А деньгами разжились?

— Без казначея тут не обойтись, — ответил Зудов, кладя на стол тугую кожаную суму.

…Белочехи принялись прощупывать крепость фронта Красной Усольской на всем протяжении от Зигана до Сима. На юге неожиданным ударом выбили богоявленцев из Петровского, на севере повели наступление на Охлебенино, начали стягивать роту за ротой в центр — район Русского Саскуля.

«Заманчиво им здесь скакнуть за Белую. Скакнут — короче пути до Богоявленска не будет, — рассуждал Михаил Васильевич, оценивая возможные изменения обстановки. — Допусти только, затрещит фронт и пиши пропало. Нет, такое позволить нельзя. Но выход? Один только: упредить, да так, чтобы и духа белочехов в Саскуле не стало».

И бойцы Калмыкова, ведомые самим главкомом первыми пошли на переправу через Белую. Провели ее скрытно и внезапно появились на северной окраине Русского Саскуля. Белочехи, не оказав серьезного сопротивления, бежали в сторону Стерлитамака. Преследовать их не входило в планы Калмыкова — угроза вторжения на красноусольский берег была отведена. Осталось погрузить на подводы трофейное оружие и патроны, прихватить с собой богатый обоз с овсом, пшеницей, печеным хлебом и двигаться обратно, на главную базу.

По прибытии в Богоявленск Калмыков намеревался сделать обстоятельный разбор, сказать бойцам свое спасибо, доложить об их удали народу, но речей вести не пришлось. Венедикт Ковшов обрадовал хорошей новостью. Вчера он разговаривал с работником Главного штаба краснопартизанской армии Михаилом Голубых. Тот от имени Блюхера сообщил, что все их части находятся в Белорецке, вырабатывается новый план действий, для принятия которого командованию нужно знать, существует ли реальная возможность прорыва из окружения через их заводские районы.

— Сменить решили курс. Это хорошо, — довольно проговорил Калмыков, входя в аппаратную. — Что ж, можем доложить: путь через наши заводы — самый верный. Заверим и в том, что готовы помочь боеприпасами, снаряжением, что соединимся с ними и вместе пойдем навстречу с Красной Армией, туда, где она бьется сейчас.

Белорецк на проводе. Телеграфист включился в работу. Застучал аппарат и, казалось, из множества слов он уловил пока только одно — то и знай твердит: «Ждем. Ждем. Ждем…»

Командиры собирались на совет не дружно. Пошел девятый час, а верхнеуральцев во главе с Иваном Кашириным все еще не было. Блюхер нервничал. Сердили опоздания, сердила и перепалка, которую вели в соседней комнате. Перекрывал всех Гарбуз.

— Слушайте меня, товарищи, брать надо, во что бы то ни стало брать Стерлитамак, — гремел он. — Верно я говорю. А не поддержите, один поведу своих бойцов. Мы, стерлитамакцы, не забоимся, мы не пойдем дальше, не побывав в родном городе.

Блюхер чувствовал, что число сторонников рейда по левому берегу Белой растет. Не сразу, видать, и нынче удастся повести за собой командиров на совете.

Наконец прибыли верхнеуральцы. Весь в пыли лихо проскочил к Блюхеру Иван Каширин.

— Изо всех сил спешили, товарищ главком, — отрапортовал бойко. — Скачка была что надо!

Отлегло на сердце у Блюхера.

— Скачка, — пробурчал, — все мозги, поди, порастрясли, скакавши. А нам дела решать.

— Решим, Василий Константинович, не сомневайтесь.

Выйдя к командирам, Блюхер с удовольствием отметил, что к нему вернулась привычная собранность, что хватит и выдержки. Начал просто и строго:

— Мы вновь на распутье. Две дороги перед нами, два варианта действий. О первом долго говорить не буду. Товарищ Гарбуз тут за него агитировал достаточно. Может, он и прав кое в чем, но поддержать его не могу.

Раскрыв опасности стерлитамакского варианта, главком лаконично обосновал выгодность движения отрядов на север, в сторону Богоявленского завода. При голосовании лишь Гарбуз воздержался, сказав упавшим голосом:

— Стерлитамак, выходит, тю-тю! Что бойцам-то скажу? Заволнуются.

— Правду скажи, товарищ Гарбуз, — сводя брови, ответил Блюхер. — Ради общей большой цели идем на север. Знаю, трудно будет твоим понять это, а надо.

Поздно вечером в Макарово неожиданно прибыл председатель Красной Усольской республики Михаил Васильевич Калмыков.

Партизаны указали ему избу, где разместился Главный штаб. Блюхер встретил на крыльце:

— Вот и свиделись, дружище!

Обнялись, расцеловались по-братски.

— Мне бы главкома увидеть, — приступил к делу Калмыков.

— Он перед тобой.

— А где Николай Дмитриевич?

— Его еще под Извозом тяжело ранили. В Белорецке мне всем войском командовать доверили. Говори, что в первую очередь нужно.

— Надо немедля и прочно закрепить за собой Петровское, — ответил Калмыков. — Вчера в нем были чехи. Поутру мы их выбили, но там у меня всего две роты и сотня конных.

— А у противника?

— На подходе 700 штыков, четыре казачьи сотни.

Главком тотчас вызвал Ивана Павлищева и приказал готовить 1-й Уральский полк к выступлению на Петровское.

После ухода Павлищева Блюхер спросил:

— Ну и чем вы богаты?

— На полки счет пока не вели, — смутился Калмыков. — Но если сформироваться по-настоящему, сумеем выставить не менее двух. Есть и три конных сотни, два горных орудия, пулеметы, конечно.

— А о припасах умалчиваешь?

— Приказал уже все тайники очистить.

— Поделитесь, верно? — оживился Блюхер.

— Не поскупимся, — сделал щедрый жест Калмыков. — Трехдюймовые снаряды все до единого вашими будут.

— Понятно, для ваших горняшек они ни к чему. А патроны?

— Выделим.

— Сколько?

— Тысяч сто дадим.

— Сто! Не ожидал, спасибо. Это здорово выручит, а то ведь у нас дело дошло до того, что бойцы берут патроны в долг друг у друга.

Прощались весело, с шутками.

— Готовь столы, Васильич, вот-вот пожалуем.

С рассветом авангардные части начали подготовку к броску на север вдоль Белой. За два дневных перехода они должны были выйти в район Богоявленского завода. Решив провести этот маневр с максимальной скрытностью, главком поставил отряду Павлищева особую задачу.

Уральцы первыми выступили на Макарово, но не свернули вправо, а направились дальше, на запад тем же Стерлитамакским трактом. Этим создавалась видимость, что и вся армия пойдет, нацелившись на Стерлитамак.

Позднее такую же задачу получили и казаки-верхнеуральцы во главе с Иваном Кашириным. В атаках Каширин всегда был первым. Не утерпел и теперь, сразу вырвался вперед. Перед лавой

красных конников враг не устоял. Преследуя бегущих, каширинцы подлетели к мосту через Белую. И прошлись на рысях по окраинным улицам Стерлитамака. Велик был соблазн объявить и во всем городе себя хозяевами положения.

Прежде, быть может, и сосвоевольничал бы Каширин. Сейчас — не то. Переборол себя и сделал точно то, что приказывал главком — посеял панику в рядах вражеского гарнизона и отскочил обратно, к Петровскому. Но хватило и этого. Белогвардейцы посчитали налет красной конницы за начало общего наступления партизан на Стерлитамак и все внимание обратили именно на этот район.

Убедившись, что враг окончательно растерял свою атакующую спесь и живет заботами лишь об удержании Стерлитамака, Блюхер распорядился, чтобы к Павлищеву и Ивану Каширину подкрепления больше не спешили. Полк за полком, обоз за обозом еще до Петровского сворачивали с тракта круто вправо, на Богоявленский проселок. Это позволило главным партизанским силам почти на целую неделю оторваться от противника, выйти из-под его ударов.

13 августа защитники столицы Красной Усольской, их матери, жены, дети принимали в своем заводском поселке партизан армии Блюхера. Над зданием ревкома билось на ветру алое полотнище. Кумачевые стяги пылали на домах, пламенели над головами рабочих. Командиры и бойцы отвечали на приветствия крепкими объятиями, благодарили женщин за хлеб-соль. Казалось, настал уже долгожданный день встречи с родными красными войсками, со всей непокоренной Республикой Советов.

Днем 14 августа Блюхер созвал Военный совет, на который были приглашены и командиры отрядов Богоявленско-Архангельского района. Калмыков сразу же заявил о готовности всех боевиков влиться в ряды Сводного Уральского отряда и идти с ним на соединение с Красной Армией. Совет, однако, от окончательного решения воздержался, счел необходимым послушать, что скажут по этому поводу сами боевики и члены их семей.

При обсуждении маршрута дальнейшего движения Калмыков высказался так:

— Сил теперь много. Бойцы обстреляны. Надо ударить на Уфу!

Иван Каширин поддержал его:

— Правильно! Я пойду с конницей в авангарде. Зададим белякам перцу. Будем в Уфе!

Эти выступления не были бравадой. Гарнизон Уфы в то время

состоял из наспех сколоченных частей, которые вобрали в себя насильно мобилизованных крестьян губернии, и своею численностью особо не пугал. Успех в проведении Уфимской операции был возможен, но Блюхер мыслил трезво.

— Хорошо, — сказал, — допустим, возьмем Уфу. А удержим ее одни? Нет. Значит, только силы, время потеряем и к своим не теми уже войдем. Нет, товарищи, не можем, не должны прельщаться захватом Уфы. И в военно-тактическом, и в политическом отношении для нас наиболее выгоден путь движения к станции Иглино и далее на север.

Совет принял аргументацию главкома.

Вечером, когда солнце, повиснув за Белой, шло на покой, застучала бита по древней чугунной доске. Ревком созывал общий сход. Со всех концов поселка потянулись люди к поселковому саду. Меж картузов пожилых рабочих и кудлатых голов парней мелькали веселые девичьи полушалки, степенно плыли бабьи платки.

В назначенный срок на крыльцо особняка директорского дома, где размещался ревком, вышли Блюхер, Калмыков, Каширин, Томин. Разговоры смолкли. Калмыков кликнул молодым:

— А ну, други мои, кати вон ту бочку… Так переворачивай. Трибуна ладная. С нее далеко слышно будет. А к этим двум фонарям факелов не мешало б добавить. Тащи и их ребята.

Наведя порядок, Михаил Васильевич обратился к народу:

— Решать будем, боевики, оставаться нам или уходить с отрядами Блюхера.

— Сам-то как считаешь? — выкрикнули из темноты.

— Кто в силах держать оружие, должен идти. Объединимся — победим, нет — пропадем ни за грош.

— А куда идти-то?

— Об этом вам скажет товарищ Блюхер. Слово ему.

Блюхер говорил взволнованно, но внятно, чеканя каждое слово. Обрисовал обстановку, сложившуюся на Урале и в Республике, разъяснил, во имя чего решили его отряды продолжать борьбу против белогвардейцев в одних рядах с Красной Армией.

— Только где и когда именно встретимся с нашими, — признался Блюхер, — указать пока не могу. Но мы пробьемся, чего бы это ни стоило. Пробьемся, потому что нам дороги интересы рабочих и крестьян всей России, дорога Советская власть. Верю, и вы, друзья, не уйдете от борьбы в эти суровые дни. Вы были героями и будете ими до конца!

Выступил с горячей речью молодой боевик Костя

Калашников. За немедленное присоединение к отрядам Блюхера высказались и другие ораторы.

— А теперь полчаса на обговоры, — объявил Калмыков. — Уходить будем без семей. Не спасаться пойдем — воевать! Я вот тоже оставляю в поселке мать, жену и двух сестер с ребятишками. Лихо им, знаю, придется, но иначе нельзя. Так что идите, товарищи, решайте, советуйтесь.

Помявшись, люди начали расходиться. Михаил Васильевич спрыгнул с бочки-трибуны и присел рядом с Блюхером на ступень крыльца. Было не до разговоров. Молчали, дымили самосадом. Не по одной цигарке выкурили.

А для тех, что вели в глубине сада торопливые речи, эти полчаса показались мигом. Снова вспыхнули факелы и опять выросла на трибуне могучая фигура председателя:

— Будем или нет обсуждать дальше?

— Хватит. Что время тянуть!

— Верно. Все пойдем за Советы!

— Тогда голосую. Дай света поболе, факельщики!

…Сад быстро пустел. Бойцы до утра были отпущены по домам. Командиров дела службы позвали куда раньше. С рассветом засели в штабе утрясать списки, создавать роты и батальоны.

Состоял Богоявленский полк из двух батальонов, семи рот, двух конных сотен, двух пулеметных команд и батареи горных орудий. Штыков было 1074, сабель — 180, пулеметов — 13 и 2 горных орудия при 80 снарядах..

Организовали еще один полк — Архангельский рабочий. Командование им принял Владимир Данберг. Архангельцы дали армии Блюхера 650 бойцов пехотинцев, 250 кавалеристов и 6 пулеметных расчетов и вместе с передовыми ее частями покинули родной поселок, взяв курс к берегам Инзера и Сима.

Лишь много позже Николай Ильич Подвойский и члены Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии узнали о рождении 16 августа 1918 года в глубоком вражеском тылу двух новых советских полков.

6

19 августа командир белогвардейской 3-й Оренбургской дивизии полковник Колесников, убедившись, что налеты конных разъездов на группу прикрытия калмыковцев малоэффективны, ввел в действие главные силы, поставив им задачу с ходу переправиться на правый берег реки Зилим, где только-только

развернулись для обороны стрелковые роты Богоявленского полка.

Спасли партизан пулеметчики. Зилим — не река, речушка, но берега его круты, труднодоступны. Учтя это, Константин Жеребов, Павел Маслов и Михаил Дублистов умело расположили на более высоком правом берегу свои пулеметы и заранее пристреляли все левобережные спуски к воде.

Неудача озлобила врага. Колесников, придержав на месте пехоту и конницу, пустил в ход орудия и бомбометы. Более часа на линии окопов богоявленцев рвались тяжелые фугасы. Зажигательные снаряды летели дальше, на дома мирных жителей. Деревня Зилим запылала. За время боев (а они не стихали здесь до 22 августа) все пятьсот ее дворов сгорели дотла.

«Н-да, вот и вышли на оперативный простор. Тут ведь и мышление (оперативное требуется, — размышлял главком. — Не полком, не отрядом, а, считай, целой дивизией управлять надо. Голову есть над чем поломать». Тревожное донесение от Калмыкова встревожило Блюхера.

Район, куда втянулись партизаны, представлялся Василию Константиновичу огромным мешком с непроницаемыми стенками. Случись что — влево не кинешься. Там широченная Белая. И вправо маневра не сделаешь — подступили вплотную крутые горные отроги. Впереди — бурный многоводный Сим. Мостов нет — сожжены, разрушены. Части Павлищева и Ивана Каширина ни вплавь, ни в брод переправиться пока не могут, всюду натыкаются на ураганный огонь. А теперь вот и с тыла пошли терзать. Блюхер схватил фуражку, затянул ремнями кожанку и зло проговорил:

— Вот и затянулась петелька. Получили два фронта. Жди теперь и третьего.

— Куда вы, Василий Константинович? — удивился начальник штаба Леонтьев.

— К Томину, а Калмыкову пошлите такое приказание: «Богоявленскому полку с приданными сотнями, оставаясь на занятой позиции, упорно задерживать дальнейшее продвижение противника».

Томину ставилась задача продемонстрировать переправу на левый берег Белой. Этим главком рассчитывал отвлечь внимание врага с главного, Симского, направления. И сейчас, когда обстановка до предела обострилась, он помчался к троичанам, чтобы поторопить их с выполнением задачи, которая с минуты на минуту становилась все более важной. Не исключено, что противник именно теперь и именно здесь попытается рассечь надвое силы партизан. А если так, немедленный бросок томинцев

к Белой явится не просто отвлекающим ударом.

Все двадцать верст от Архангельского до Ирныкшей гнали коней в опор, но Томина на месте не застали. Он только что выехал с командирами на рекогносцировку. Блюхер поднял полки по тревоге и, пришпорив коня, выскочил в поле.

— Назад! — приказал Блюхер, нагнав Томина. — Люди подняты. Ведите всех к переправе.

И только выкрикнул, из-за перелеска забил пулемет. Лошадь под ординарцем рухнула наземь. Еще очередь — подломил ноги буланый главкома. Блюхер не растерялся, ловко высвободил ноги из стремян и не дал лошади придавить себя.

— Опередили и здесь, подлюги! — выругался, поднимаясь с земли.

Второй ординарец спешился, отдал своего коня главкому.

— Назад зараз скачите! — прокричал Томин.

Храбриться было попусту. Рванули галопом. Только влетели в село — по нему враг ударил из пушек. В разных концах Ирныкшей занялись пожары.

Блюхер сурово взглянул на Томина, но ничего не сказал. Знал, нет уже надобности вмешиваться в его дела. Чем сложней обстановка, тем спокойней и собранней Томин. Опасности для него — родная стихия. И томинцы действовали под стать командиру. Не поддались панике, не утратили организованность.

Встречая батальоны и роты, Николай Дмитриевич накоротке отдавал распоряжения. Центральный участок обороны отвел батальону Сакача. Умело выбрал позиции и для остальных подразделений 17-го Уральского полка. Сотни разинцев, разделившись надвое, понеслись в стороны для прикрытия флангов. В считанные минуты изготовились к бою и троицкие артиллеристы.

Первая атака белогвардейцев быстро захлебнулась. За стойкость обороны можно было не опасаться. Блюхер поспешил обратно в штаб. Ему доложили, что в районе Бердиной Поляны бойцы Павлищева разведали брод с удобными подступами. Главком распорядился усилить уральцев резервным Архангельским полком и начинать форсирование Сима.

Получив подкрепление, Павлищев не бросился очертя голову на штурм водной преграды. Архангельцы имели сильную конную группу. Павлищев отдал приказ конникам переправиться в скрытом месте, а затем внезапно ударить по противнику, засевшему в окопах на северо-востоке Бердиной Поляны.

Преодолев реку вплавь у хутора Александровский, архангельцы удачно совершили глубокий фланговый маневр. На вражеском берегу поднялась неразбериха, паника. Ее усилили

меткие выстрелы артиллеристов Челябинской батареи. Улучив момент, пулеметчики 1-го Уральского полка выдвинулись к самой реке. Под прикрытием их огня, не мешкая, пошла на переправу рота Якова Кривощекова. Первый плацдарм у Бердиной Поляны был завоеван.

Допоздна не стихали в тот день орудийные раскаты и винтовочная пальба на всем протяжении фронта, раскинувшегося по берегам трех рек: Сима, Белой и Зилима.

Кончились первые сутки большого сражения. В Главном штабе партизан подводили итоги боевой работы. Павлищев пробился за Сим на несколько десятков очень важных метров. Томин и Калмыков не только удержали за собой Ирныкши и Зилим, но и вынудили противника откатиться на прежние позиции.

На рассвете 20 августа главком с работниками штаба выехал к месту переправы через Сим. Конь вздрагивал от близких разрывов шрапнели. Блюхер не замечал их. Лицо его исхудало, почернело, густой сетью набежали на глаза нервные красные прожилки. Может, и сердца коснулась усталость бессонных ночей, тревог, переездов с места на место? Нет, взглянул пристально за реку, где бились с врагом первоуральцы, и сказал с привычной ему заботливой интонацией в голосе:

— Помочь надо товарищам. Мост будем здесь наводить. Лети, Иван Степанович, порадуй своих. Скоро все отряды пойдут расширять плацдарм.

— Есть, товарищ главком, — воспрянул духом Павлищев. — Лечу!

Мост на переправе был крайне необходим. Это понимали все. Но кто возьмется руководить его наводкой? Да и строить как? Ни материалов нужных, ни инструмента нет. Посмотрел главком изучающе на работников штаба и остановил взгляд на Голубых.

— Слушай, Михаил, а не забыл ли ты вторую свою партизанскую должность? Саперами ведь руководишь. Так и берись с ними за дело. Пусть докажут, что не только телеги чинить мастера. Чем помочь могу?

— Гвоздями, — поспешил с ответом Голубых.

— Гвоздей нет.

— Проволока, топоры нужны.

— И это сам разыскивай.

— Тогда хоть людей подбросьте!

— Роту дам. Действуй, время не терпит.

Расставшись с Блюхером, Голубых растерянно опустился на траву. Было над чем поломать голову. За жизнь свою он и забора не построил. А тут сразу — мост! С чего браться за дело, как?

Подъехали саперы, подошла рота верхнеуральских пехотинцев. Нашлись среди них и плотники-строители и даже самый настоящий мостовик. Недостающие топоры раздобыли в обозе у беженцев. У них разжились и веревками, вожжами — на случай, если гвоздей не хватит.

Работа закипела. Из толстых берез, которые рубили неподалеку в роще, мастерили козла, потоньше — шли на прогоны. Досок на настил, конечно, не нашлось. Заменили их стланью из жердей и хвороста. Гвозди кончались, вязали бревна и стлань веревками и вожжами.

Под свист шальных пуль, под лопанье надоедливой шрапнели саперы возводили мост. Выглядел он неказисто, но был достаточно прочен, надежен даже для пропуска пушек.

Минули сутки, и переправа началась. С каждым часом тесней и тесней становилось на правобережном плацдарме. Первыми переправились роты Архангельского и Верхнеуральского полков. На подходе были и остальные партизанские части.

Длинными вереницами тянулись к Бердиной Поляне госпитальные двуколки, обозы, подводы беженцев. По небу гуляли тучи, дожди размывали хлюпкие проселки, превращая их в непролазное месиво грязи. Переброска тылов к переправе отняла трое с лишним суток, и только 25 августа главком смог отдать приказ о решительном «расширении плацдарма на правом берегу реки Сим для свободного маневрирования с целью продвижения к железной дороге».

С потерей Бердиной Поляны белогвардейские генералы не на шутку встревожились: а не нацелятся ли дальше партизаны на Уфу, и спешно направили в расположенные на дальних подступах к городу села Урунда, Родники и Слутка значительные силы. Узнав об этом, Блюхер после недолгих размышлений пришел к выводу, что начинать бои за расширение Симского плацдарма наиболее целесообразно с удара именно в сторону этих сел.

Принимая такое решение, главком преследовал цель отвести внимание противника от своих истинных планов, уверить его в опасениях за судьбу Уфы и выиграть тем самым время для последующего стремительного маневра на север, к железной дороге.

…Общее наступление назначено на утро 26 августа. Накануне вечером на Симский плацдарм переправились томинцы. За один дневной переход они покрыли путь от Ирныкшей до Бердиной Поляны. На левом берегу Сима оставался лишь Богоявленский полк. Риск был немалый, но Блюхер пошел на него: калмыковцы не подведут!

Итак, наступление на рассвете. Все предрешено, все

расписано до мелочей. Едва лишь займется заря, двинутся с плацдарма на запад в сторону Уфы одновременно три партизанских полка. На Слутку пойдут первоуральцы и архангельцы. Левее их, держа направление на Родники, будут наступать бойцы 17-го Уральского полка под командованием Алексея Кононова. В резерве — конные группы полков и казаки-разинцы Александра Карташева. У бойцов-верхнеуральцев Ивана Каширина — своя, особая задача.

Перед боем Василий Константинович заночевал у старых друзей — в Уральском отряде Ивана Павлищева. С ними же и в атаку поутру поднялся, пошел на врага во главе передовой цепи. Сделал это не в пылу азарта, не ради хвастовства. Не в его характере было метаться на поле боя и подменять собою других командиров. Лишь в крайних случаях Блюхер разрешал себе быть в общей цепи. И теперь бойцы, увидев в своих рядах главкома, поняли, что их задача предельно ответственна и бороться за ее безусловное выполнение надо, не жалея ни крови, ни самой жизни.

Начав атаку, партизаны не открыли беспорядочной пальбы. Блюхер и прежде учил: «Не допускать мотовства патронов». Огонь на ходу вели лишь лучшие из стрелков.

Трудно было теснить сытых, не изнуренных тяготами боев и походов хорошо вооруженных солдат противника. Лишь к полудню после множества жарких схваток партизаны сумели пробиться к увалам. За ними — последние линии белых окопов. Выбьешь из них противника и дорога в Слутку и Родники открыта. Но выдохлась, обессилела красная пехота. Не получился завершающий удар.

Блюхер отослал ординарцев в тылы — вызывать из резерва разинцев. Помедлив немного, поднялся в рост и, рванувшись вперед, прокричал:

— Не бойсь, товарищи! Нажмем еще, а там помогут! За мной, товарищи!

Заглушая дружным «ура» тяжелый свой шаг, партизаны пошли за главкомом. Вот и увалы. Еще бросок и навостряй штыки. И тут-то раздалось позади могучее цоканье копыт. Казаки-разинцы вихрем неслись на подмогу. Скомандовал зычно Карташев:

— Шашки вон! В лаву марш-марш!

Пропустила пехота вперед кавалерию, дала разгуляться в полную волю застоявшимся коням. Через четверть часа разинцы были уже на улицах Слутки и Родников. Враг панически бежал. Красные казаки Карташева, пролетев по пятам отступающих версты три, вернулись назад. Приказа развивать преследование в

сторону Уфы не поступило.

Этим коротким и сильным рывком на запад партизаны вновь спутали карты неприятеля. Дорога для движения в ранее избранном северном направлении была пробита. Туда уже летели конники Ивана Каширина. В том и состояла их особая задача со строго обязательным выполнением.

Произведя на ходу перегруппировку сил, Блюхер повел и остальные части в прорыв на север.

Поздним вечером 26 августа Симская переправа перестала существовать. Пропустив по мосту все обозы и арьергардный отряд Калмыкова, саперы собственноручно сожгли первое свое инженерное сооружение. Пути назад не стало.

Кто воевал, знает, как преодолевают пехотинцы опасные заграждения на переднем крае противника. Только что двигались осторожно, тоненькой ниткой по узкому горлу прохода. Минута — и развернулись в широкую цепь, летят в полный рост к окопам врага, с каждым шагом убыстряя бег.

Форсировав Сим, партизаны Блюхера, как могучий поток, прорвавший плотину, разлились по башкирской равнине и устремились неудержимой волною к остальному полотну Самаро-Златоустовской дороги.

Разрабатывая план прорыва через железную дорогу, главком учитывал, что бои на каком-либо одном участке окажутся крайне невыгодными. Имея в своем распоряжении отличнейшую транспортную артерию, противник легко будет маневрировать резервами и без труда закроет ими брешь, где бы та ни появилась. Нужно выбить из рук врага этот сильнейший козырь. А если так, выход один — вести наступление на максимально широком фронте и перерезать дорогу одновременно в нескольких местах.

Своим приказом от 27 августа Блюхер определил конкретные задачи на прорыв каждому из отрядов. Верхнеуральцы И. Д. Каширина наносят главный удар, нацеливая-его из деревни Алаторка на станцию Иглино. Уральский отряд И. С. Павлищева наступает правее каширинцев и овладевает разъездом Чуваши и деревней Кубово-Чувашская. Архангельцам приказано занять село Ново-Троицкое, разъезд Кудеевку и разрушить мосты к востоку от него. Таким образом, боевые действия должны были развернуться одновременно на участке в сорок с лишним верст.

Готовя столь серьезную операцию, Блюхер ни на минуту не забывал и о тех опасностях, которым могли неожиданно подвергнуться его отряды с любой из других сторон вражеского окружения. Поэтому и пускал вперед для решающего штурма лишь ударную тройку. Томинцы выходили в резерв. Задача бойцов Калмыкова оставалась прежней — прикрывать действия

армии с тыла.

К вечеру 28 августа партизанские части сосредоточились в исходных районах. На стоянках задымили костры. Повара нареканий не имели. Потчевали бойцов круто сваренной, приправленной салом кашей, хлеба дали по полкраюхи на брата, а к чаю даже липового меда раздобыть сумели.

После ужина все собрались поротно. Слушали обращение главкома:

— …Боевикам и командному составу приложить все усилия для выполнения задачи по прорыву. Помните, товарищи, неудача поставит нас в безвыходное положение. Успех и только успех сулит нам выход из окружения и возможность скорого соединения со своими красными войсками…

«А где они, свои-то?» — сколько раз возникал у каждого этот вопрос, но никто не мог ответить на него определенно.

Теперь же отпала эта неизвестность. Изучив все разведданные, Главный штаб сумел определить линию красного фронта и ответить бойцам, что конечным пунктом их похода по вражеским тылам, по всей вероятности, окажется район между городами Красноуфимском и Кунгуром. Там сейчас держат упорную оборону регулярные части Красной Армии. Туда и спешить партизанам.

Беседы надолго не затянулись. Главком приказал всем перед боем хорошо выспаться. Собирался и сам отдохнуть. Но около полуночи прибыл Томин с докладом о том, как протекал рейд группы казаков-разинцев к селу Юрмаши, лежащему верстах в десяти-двенадцати юго-восточнее Уфы.

— Клюнуло, говоришь? Откатились белочехи. Хорошо! Назавтра забросим крючок и покрупнее.

— На Уфу двинемся? — радостно выпалил Томин.

Блюхер отрицательно покачал головой.

— Брось, Василь Константинович, не слабаки мы ноне, — раскалялся Томин. — Одним ударом Уфу взять можем.

— Не кипятись. Не можем, не должны мы Уфой прельщаться. Расчет на случайный успех — авантюра. А с нею нам не по пути. Понял?

— Авантюра, авантюра, — пробурчал Томин. — Словечки какие пускаешь!

— Пускаю, — улыбнулся Блюхер. — Однако слушай. Ивану Каширину в дополнение прежней ставлю и новую задачу. С выходом на полотно он должен частью сил повести наступление в стороны Уфы, но… тоже ради демонстрации. Дело трудное. Так что будь готов по первому зову помочь каширинцам. Ясно?

— Понял.

— Тогда спи, отдыхай.

…С рассвета поселок Михайловский, где квартировали штабы главкома и командира Троицкого отряда, зажил особой, непривычной для него жизнью. По единственной улице поселка, тянувшейся вдоль мелкого Тауша, то и дело сновали конные.

Первые вести из отрядов переднего края были неутешительными. С трудом пробивались вперед архангельцы. Не радовали своими удачами и уральцы Павлищева, а у Ивана Каширина начало вообще получилось никудышным.

В пятом часу утра пехотинцы Верхнеуральского отряда выдвинулись на рубеж атаки и залегли, ожидая общей команды.

— Смотрите! Смотрите! — выпалил кто-то. — Не Иглино ли там?

Действительно, версты за две-три в зеленой глубокой долине, зажатой высокими крутыми холмами, лежало большое селение. Видны были станционные постройки, а самые зоркие принялись уверять, что поблескивающие полосы впереди — не что иное, как сама железная дорога. Радость охватила бойцов. Не дождавшись общей команды, самовольно рванулись под гору и понеслись, крича:

— Даешь дорогу!

Эта недисциплинированность дорого обошлась всему отряду. Сорвавшийся без времени батальон Белорецкого рабочего полка был встречен точным прицелом белочехов. Бойцы бросились врассыпную назад к Алаторке, ломая боевые порядки других подразделений и сея в них панику. Командир Белорецкого полка Алексей Пирожников, не сумев окриками удержать бегущих, бросил навстречу наступавшим резервный батальон.

Об этом и узнал Блюхер из первого донесения Каширина. Но спустя полчаса казак-ординарец с нескрываемой гордостью передал новый доклад своего командира:

— Пехота больше не отступает. Пирожников и кавалеристы Семена Галунова выправили положение. Инициатива в наших руках. Идем на Иглино!

…Прослышав о взятии Иваном Кашириным Иглино, Томин выбежал из прокуренной избы своего штаба, вскочил на коня. Штаб главкома был рядом, через несколько домов. Но таков уж Томин — ни шагу без коня.

На поздравления Василий Константинович отозвался сдержанно и сразу пригласил Томина к карте:

— Каширин только что двинул отряд Вандышева к Уфе. Боюсь, что один он долго не продержится на рубеже Шакши. Требуется срочная помощь?

— На авантюру-то? — усмехнулся Томин.

— Шутки брось. Снимай батальон интернационалистов и две сотни разинцев. За старшего кто будет?

— Могу и сам.

— Тебе не разрешаю.

— Кононова пустишь?

— Согласен. Отправляй отряд тотчас же и думай, как лучше прикрыть оголившиеся места.

…Небольшой отряд Вандышева, отбросив белогвардейцев за Уфу, остановился у моста перед станцией Шакша. Не зная истинных сил партизан, появившихся в непосредственной близости к городу, вражеское командование занялось судорожной переброской резервов из Уфы к Шакше.

Казаки Вандышева держались крепко. Но вот за рекой появился бронепоезд. Белогвардейцы сбили партизан с предмостных позиций, а затем откинули их к деревне. Касимово. Возникла угроза, что теперь противник всеми силами бросится на Иглино и сомнет левофланговую группу прорыва. Но армию вновь выручили предусмотрительность и точные расчеты главкома.

Бойцы Кононова появились под Касимово словно по заказу. Объединившись, оба отряда рванулись вперед и после короткого боя отбросили противника обратно к Шакше. Тревожиться за положение дел на левом фланге стало излишне. Получасом спустя главком получил долгожданное донесение и от командира Архангельского отряда В. Данберга:

— Село Ново-Троицкое и разъезд Кудеевка заняты. К востоку от разъезда разрушено два моста. Подход вражеских эшелонов со стороны Златоуста невозможен.

Вечером того же дня главком прибыл в Иглино и заночевал на новой штабной квартире, заранее приготовленной ему Иваном Кашириным в одном из лучших домов поселка.

7

Блюхер привык вставать с первыми лучами солнца. А вот в Иглино проспал. Погода подвела. Утро 30 августа выдалось хмурое, холодное. Едва рассвело, полил размеренно нудный дождь. Зарядил на сутки, если не больше. Проснувшись в восьмом часу утра, главком застал в доме обычную деловую суету штаба.

— Виноват, братцы, — улыбнулся помощникам. — Да и вы хороши. Побоялись, что ли, растолкать раньше?

От чая Блюхер отказался. Проворно надел кожанку и предложил товарищам:

— Кто свободен, пошли дорогу смотреть.

С детских лет Василий Константинович вынес привязанность к железным дорогам. Еще мальчонкой слышал он много рассказов про неведомую ему «чугунку». А сколько восторгов пережил при первой встрече с нею в пору, когда двинулся из деревни в Питер, на заработки.

После сам в Мытищах ладил поездные вагоны. Загадывал по-юношески: куда ж умчатся они, сколько верст отмотают, с какими городами свидятся. Завидовал: «Эх, мне бы так всю страну повидать, исколесить». В первые взрослые годы достаточно повозили его по разным путям-дорогам — в солдатских теплушках, в санитарных поездах. Казалось бы, не до того было, чтобы смотреть по сторонам да любоваться родной природой. А смотрел, любовался и на душе от этого становилось приветливей, легче.

Вот и сейчас вышел Блюхер на пути. Дождь стучит по кожанке. Хмурь кругом. А на лице главкома радость, в глазах восторженный блеск. Там, впереди — Самара, позади — Урал, Челябинск. До самой глубинной Сибири стальная дорога в руках врага. Но не так уж силен, пожалуй, он, если позволил полуголодным, плохо вооруженным партизанам не только выйти к Великой магистрали, но и перерезать ее на протяжении почти полусотни верст.

Дождь лил и лил. Смахивал рукой бегущие по щекам струйки воды и всматривался вдаль. Давно ли проезжал он по этим местам с эшелоном самарских красногвардейцев, засыпал вопросами молчаливого Садлуцкого… Где-то теперь он?

А Куйбышев? Будь он рядом, сказал бы и сейчас: «Трудно? Верю. Но вы опытный солдат. К тому же большевик. Надеюсь, справитесь…»

Непривычная тишина стояла в тот день на станции. Не слышалось паровозных свистков, лязганья буферов, перестука вагонных колес. Близ Шакши и Кудеевки пути разрушены. Приходится разрушать то, что создавалось трудом и потом многих и многих сотен таких же, как он, рабочих. Но что поделаешь — борьба.

Блюхер подозвал к себе Голубых:

— Поднимай саперов на новую работу. Впрочем, то, что делать будете, трудно работой назвать. Не по нутру такое, а надо. Валите все, разрушайте. Старайтесь так, чтобы как можно дольше не ходили по этим путям белогвардейские составы.

Взглянув на бегущие в стороны блестящие полосы накатанной стали, главком резко повернулся и зашагал по лужицам грязной улочки к штабу.

После новых раздумий над картой, после изучения всех донесений разведки и совещаний с командирами и работниками штаба Блюхер принял решение свести разбросанные на широком фронте части в единый кулак и направить их по одному пути. Ближайшая задача — пробиться как можно быстрее верст на 40—50 к северу и овладеть переправами через Уфу в районе деревни Красная Горка.

Всем отрядам, за исключением верхнеуральцев Ивана Каширина, было приказано сняться с занимаемых позиций 30 августа в 22.00. Самое трудное выпало на долю бойцов Павлищева — отвоевывать первый плацдарм на западном берегу Уфимки.

Ушли в назначенное время с разъезда Чуваши первоуральцы. И тотчас же передвинулись из деревни Круглово к железной дороге бойцы Калмыкова. Покинули Кудеевку архангельцы Данберга. И здесь через Иглино уже уходили в ночь по непролазной грязище лихие томинцы. Стоя под нестихающим дождем, Блюхер провожал их.

Позади визжали пилы, ухали кувалды, валилось что-то тяжелое, перекатывались взрывы. То вели свою работу саперы. Около полуночи факелом вспыхнул облитый керосином железнодорожный мост, а спустя несколько минут к главкому подскочил запыхавшийся Голубых:

— Приказ исполнен в точности. Только… аппарат Морзе разбивать не стали. Прихватили с собой, может пригодиться.

— И правильно, — одобрил Блюхер. — Ну, а сейчас в дорогу. Верхнеуральцы вот-вот выступят. Саперов веди впереди их колонны.

…Двое суток пробивалась армия к деревням, расположенным по восточному берегу реки Уфы. Торопил, торопил главком отряды. Но распутица упорно навязывала свои черепашьи темпы.

Теперь не могло быть и речи о свободном выходе из-под ударов белых войск. Враг нагнал армию. Он снова всюду, со всех сторон теснит. Тринадцать полков и несколько отдельных отрядов окружили партизан. Среди них немало отборных белогвардейских частей — 6-й Чехословацкий, 13-й и 14-й Уфимские, 6-й Казачий, 1-й Башкирский полки, отряды Стерлитамакского гарнизона и польские легионеры.

Павлищев с отрядом переправились на западный берег Уфы. И тотчас же первоуральцы попали под удары Бирской группы противника. Враг начал продвигаться и к деревне Быково.

Быстро сориентировавшись, Блюхер понял, что маневр врага вдоль правого берега Уфы самый опасный. Осуществись он до конца, может случиться, что не только отряд Павлищева, но и вся

армия окажется под угрозой разгрома. В резерве оставался только Верхнеуральский отряд. Рискованно пускать его полки в дело в самом начале тяжелого боя, но Блюхер решился на это. Отдав накоротке приказ Ивану Каширину, главком вместе с Голубых выехал на окраину Красной Горки, к реке.

— Начинать будем здесь, — сказал, осмотревшись по сторонам. — Догадываешься, о чем речь веду?

— Опять за мост браться? — упавшим голосом проговорил Голубых.

— Верно. Но учти, ни одного бойца нынче не дам. Управляйся с саперами. Срочно нанимай местных жителей. Леса нет, знаю. Покупай старые избы, сараи и строй.

Деревня оказалась татарская. Еле-еле нашли толмачей. Старики приняли предложения, и вот одни уступали уже заготовленные на зиму дрова, другие не жалели срубов новых домов, третьи принялись разбирать сараи, бани, навесы. Особо же споро пошла работа, когда бедняки-татары узнали, что партизаны нашли в доме бежавшего из села кулака-лавочника их долговые расписки и, не колеблясь, предали всю кипу бумаг огню. От добровольцев, решивших принять участие в постройке моста, отбоя не было.

А враг теснил и теснил арьергардные отряды, стремясь сбросить их в воды Уфимки. Томинцы сдали Несмислярово. Вскоре покинули и горящее Ново-Кулево. Того и гляди, подкатится бой к самой Красной Горке. Не слал хороших вестей и Павлищев. А пора бы. С наступлением сумерек к нему на правый берег переправились вплавь казаки-верхнеуральцы. Держатся ль на плацдарме?

Заложив руки за спину, Блюхер мерил шагами горенку штабной избы. Тянуло главкома в гущу боя. Там, казалось, все проще, понятней. Не будешь теряться в догадках, ждать в нервозности донесений. Оно-то так, самому легче станет, а армии польза какая? Порвутся и последние нити управления ею. К саперам тоже ходить попусту. Работают на совесть. Не указаний от него ждут, а того, чтобы меньше беспокоил их враг своими снарядами да близкой пулеметной стрекотней.

Хлюпая мокрыми сапожищами, ввалился штабист Никифор Баранов и огорошил новостью:

— Еще такой подарочек и уплывет наш мост к чертовой бабушке.

— С чего же вдруг? — спросил Блюхер.

— Плоты сверху кто-то начал пускать. Первый перехватили, отвели к проходу. А как все быки поставим. Куда отводить? Некуда.

— Понятно. Снаряжай крепкий пост и направляй его к Прасчанам на перехват плотов. Одни не управитесь — крестьян на помощь зовите. Спеши, Никифор Васильевич.

Прискакал ординарец Томина. Передал на словах, что Старо-Кулево еще в их руках, но цепи противника шагах в ста-ста пятидесяти от села. Трижды ходили троичане в штыки и все безуспешно. Закончив доклад, казак протянул записку.

«Прошу прислать две тысячи патронов, — писал Томин. — Иначе за исход боя не ручаюсь…»

— Две тысячи! Каков! А где я их возьму? Нет у меня патронов. Не слышите, что ли? — возвысил голос Блюхер. — Нету патронов. Нету!

Посланец Томина упрямо переминался с ноги на ногу.

— Не уйду, товарищ Блюхер! Не уйду без патронов, — выдавил дрогнувшим голосом. — Иль не знаете Николая Дмитриевича? Обратно пошлет. Да ведь и впервой просим. Трудно нам — дальше некуда.

— Ладно, — смягчился Блюхер и, быстро подойдя к столу, вывел карандашом на клочке серой бумаги несколько слов. — На вот. Две не даю. Много. Хватит и полторы. Да скажи, что в последний раз. Понял?

— Так точно, — выпалил томинский ординарец, хватая крохотное распоряженьице. — Спасибо, товарищ главком.

От Ивана Каширина первый связной прибыл только поутру. Блюхер нетерпеливо потребовал:

— Донесение? Быстрее!

— Нету его. Так велено передать.

— Что, плохи дела, выходит?

— Жмут нас крепко, окаянные.

— Помощь нужна?

— Пехоты бы немного.

Главком призадумался, задержал взор на мокрых до пояса полах шинели связного. Затем взглянул в лицо бойцу. Оно было синее-синее, как и околыш его казачьей фуражки.

— Перемерз, братец?

— Два раза за ночь вплавь через реку ходил.

— И меня вот дрожь пробирает. В резерве-то одни белоречане. Прорвись сюда враги, кто раненых да обозы защищать станет? Но делать нечего. Судьба всех нас там, на вашем берегу, решается. Плыви, брат, обратно. Скажи Каширину, пошлю три стрелковых роты.

…Троичане к утру 3 сентября бились уже в непосредственной близости от Красной Горки. Противник через их головы вел

артиллерийский обстрел переправы. Фугасные гранаты пучили воду подле самого моста. А там и шрапнель, лопнув, рассыпалась свинцовым горохом над обозами. Средь беженцев поднялась паника. Кто-то крикнул:

— Мост готов, братцы! Жми к нему! Начинай переправу!

Саперы не в силах были сдержать хлынувшего на них тележного потока. Да, они завершили постройку. А толку-то? Вот-вот и разлетится мост вдребезги под напором обезумевшей массы.

Бросил Василий Константинович штабные дела, помчался на переправу. Пролетев вперед на коне, успел преградить вход на мост.

— Стой! — во всю силу голоса выкрикнул Блюхер. — Приказа о переправе не было. Осади назад!

Обозники не ослушались. Принялись разворачивать телеги. Успокоившись, Блюхер сказал начальнику саперной команды:

— Теперь уж не полезут. Я к Павлищеву, пока не вернусь, ни одной повозки на мост не впускай.

Главком тронул коня. Не удалось ему пролететь по мосту стрелой — местами тот горбился, местами спадал вниз ухабами и кренился где вправо, где влево. А все ж похвалил Василий Константинович саперов: шутка ли, всего за сутки с небольшим почти голыми руками отгрохали этакую громадину в сто с лишним саженей!

На правом берегу главкома встретили бойцы поста летучей почты. С ними был и Никифор Баранов. Он доложил, что Павлищев только что прислал донесение. Очистив от неприятеля район между деревнями Бедево и Старые Бирючи, уральцы продвинулись к северу от реки верст на пятнадцать.

— Хо-орошо, Никифор Васильевич! — отозвался главком, замечая, что куда-то пропала острая резь, мучившая с утра левый глаз. — Хорошо! — повторил он. — Да и денек-то, смотри, как по заказу разгуливается.

Наметив с Барановым новые места расположения лазарета и обозного табора, Блюхер наказал:

— Встречай тут переправщиков, — и, пришпорив коня, пустился в обратный путь.

Началась вторая переправа. Первыми на мост вступили лазаретные повозки. Раненые поднимали вверх костыли, приветствуя своего командующего. Блюхер здоровался с бойцами, подбадривал их:

— Теперь уж скоро, ребята… Скоро до настоящих госпиталей доберетесь.

В четвертом часу дня к Блюхеру почти одновременно

примчались помощники: Баранов от Павлищева, Суворов от Томина. Едва выслушав Баранова, главком наказал Суворову:

— Лети, Яша, назад. Передай Томину, патроны пришлю немедленно. Две, три тысячи… Мало будет — еще подброшу. Только держитесь. До приказа — ни шагу назад!

Оторопел Суворов, взлохматил кудри:

— Да это как же так?

— А так вот. Откинул Павлищев беляков от Казанки. Гонит их к Бирску, а главное, трофей захватил — пятьдесят тысяч штук патронов. Богачи мы теперь, понимаешь?

Отпустив помощников, Блюхер с тревогой подумал: «Только бы не подкачал Каширин. Медлит он, все на месте у Быково топчется. А ведь и конницы, и пехоты у него предостаточно!»

Главком решил лично навести порядок в каширинских цепях. И только вышел на крыльцо, как вырос перед ним тот самый казак, что приезжал поутру от Каширина просить в подкрепление пехоту. Мокрешенек снова, но нет на лице былой синевы, напротив, горит весь, щеки разрумянились.

— Вот донесение! — широко улыбнулся.

С первого взгляда на протянутый ему листок Василий Константинович понял все и, вскочив на коня, полетел на переправу.

— Слушайте, товарищи! Слушайте все! Иван Каширин пишет, что белые разбиты. Не отогнаны, заметьте, разбиты! Двести человек взято в плен. Захвачено три орудия с передками, двести снарядов, восемь пулеметов, много винтовок, патронов и другого имущества. Это победа, товарищи!

Переправа продолжалась. С наступлением темноты снялись со своих позиций Богоявленский и Архангельский полки и под прикрытием троичан ушли по мосту сменять в Казанке уральцев Павлищева. За ними и Томин повел на переправу свои поредевшие части.

Замыкающей шла казачья сотня Никифора Захарова. У моста конники спешились и, получая распоряжения от маленького сапера, засновали туда-сюда с пучками кудели и керосинными баклажками.

Проверив работу, сапер подал сигнал, и в тот же миг во всю стосаженную ширь Уфимки забилось яркое пламя, пошло дразнить своими длинными языками оставшихся за рекой врагов. И новая их западня не оказалась для партизан гибельной. Они вырвались из нее, как и прежде.

Ночью 4 сентября на берегах Уфимки установилась тишина. Не грохотали больше орудия, не тарахтели пулеметы. Словно и не было тут никакой войны.

Повернув резко на север, бойцы вышагивали за день, как на мирных солдатских учениях, верст по тридцать-сорок. Главком вел свои полки по ничейной полосе уральских деревень, затерявшихся среди топких болот и глухих, необжитых лесов.

Главный штаб теперь следовал за авангардным отрядом троичан. Настроение было приподнятым, радостным, с каждой верстой приближался долгожданный час встречи с родными красными войсками. Еще перед наступлением на Иглино, Блюхер и его помощники пришли к выводу, что наиболее тяжелая обстановка для регулярных частей 3-й армии складывается на восточном направлении. На правом же, южном их фланге, — глухомань и бездорожье. Здесь для белогвардейцев нет козырей для развертывания даже мало-мальски успешных действий. С этой стороны и решено было пробиться через линию фронта.

Выбор направления от самого Белорецка являлся наиболее сложным вопросом. Партизаны располагали крайне скудными сведениями о противнике — о тех силах, которые стремились сломить и рассеять их десятитысячную армию. Немного знали о своих, к кому шли навстречу и с кем мечтали как можно скорее соединиться для продолжения борьбы за власть Советов.

В Главном штабе имелось лишь мизерное количество допотопных карт, изданных еще в минувшем веке. Многие населенные пункты на них вовсе не значились. Мукой было угадывать, где и как теперь пролегли проселочные дороги. Мало помогали и земские карты, которые снимали со стен изб волостных управ. Чаще всего данные о дорогах, о реках и переправах через них черпали у местного населения. Словом, более или менее отчетливо видели местность вокруг себя в радиусе сорока-пятидесяти верст.

В такой обстановке главкому ориентироваться было крайне трудно, и потому даже маршруты движения на каждый день похода Василий Константинович намечал после того, как выслушивал соображения и предложения всех работников штаба. Вопросы же о выборе нового направления, о смене курса после тщательного обсуждения в штабе обязательно выносил на совет командиров отрядов. И опять-таки ко всем высказываниям был внимателен, не горячился, если возникали споры.

Как в Белорецке, так и во время похода, Василий Константинович при первой возможности старался побывать в госпитальном обозе, чтобы лишний раз повидать раненого Н. Д. Каширина и узнать, как он оценивает обстановку, верны ли предпринимаемые партизанами шаги. Николай Дмитриевич уважительно выслушивал Блюхера, большей частью соглашался с его мнениями, а если и вносил какие-либо уточнения, поправки,

то делал это деликатно и доказательно.

…На пятые сутки похода от берегов Уфимки Главный штаб вступил в село Аскино. Как только расквартировались на новом месте, главком вызвал к себе боевого помощника Н. Д. Томина Виктора Русяева.

Тот примчался сразу же. Взбежал по ступеням на второй этаж былого купеческого дома. Отдышавшись, прошел в гостиную. За большим столом на гнутых венских стульях сидели Блюхер, Леонтьев, Баранов, Суворов, Голубых. Все были без, ремней, с расстегнутыми воротами гимнастерок. Чаевничали. Ординарец Ягодин раздувал второй самовар.

— Проходи, садись, Виктор Сергеевич, — пригласил Блюхер. — Откушай чайку за кумпанство, так, вроде бы, казаки говорят?

— Так, — несмело ответил Русяев.

— Угощайся, брат, — подбодрил Баранов и, приняв из рук Ягодина большую кружку с пахучим морковным чаем, пододвинул ее Русяеву. — Вишь, меркой не обидели.

Гость поблагодарил, сделал для приличия глоток и устремил на Блюхера вопросительно-удивленный взгляд. Василий Константинович, застегивая ворот гимнастерки, вышел из-за стола. Громыхнув шашкой, поднялся и Русяев. Главком привычно отмерил по просторной комнате несколько шагов и, остановившись, сказал:

— Вызвали мы тебя, товарищ Русяев, по очень важному делу. Послать хотим на установление связи с частями Красной Армии…

— Готов сию ж минуту!

— Не спеши. Не так все это просто, как кажется на первый взгляд. О нашем походе вряд ли кто знает там. Появись мы неожиданно, начни всей массой переходить фронт, свои же, чего доброго, в штыки встретят. Понимаешь?

— Понимаю, товарищ главком.

— Выступишь утром, — продолжил Блюхер. — Для безопасности перехода возьмешь сотню конников. Но вид, смотри, чтобы у всех вас был что ни на есть красноармейский. Так приодеться нужно, чтобы ни у кого и сомнений не закралось, чьи и кто вы такие.

— Сделаем все!

— Ну и хорошо, — улыбнулся Василий Константинович и, дружески взяв Русяева под руку, усадил обратно за стол. — Чаевничай, пока документы готовят.

Ранним утром 12 сентября Русяев и командир 4-й сотни полка имени Степана Разина Чуриков доложили о готовности к выступлению на особо важное задание. Блюхер вышел к бойцам и

лично провел смотр сотни. В состав ее входили не только красные казаки, но и троицкие рабочие, ставшие за время похода такими же удалыми конниками. Каждый четвертый боец сотни был коммунистом.

Все побрились, привели в порядок обмундирование, концы пик украсили кумачовыми лентами и на груди у каждого пламенели алые банты. На правом фланге сотни возвышался молодцеватого сложения казак, сжимавший в руках древко красного стяга.

Выслушав последние напутствия, конники тронулись в путь. Блюхер провожал их повлажневшим взором. Все дальше и дальше, к горизонту катилось волной алое зарево. Вот и растаяло вовсе. Теперь ждать и ждать…

Русяев вернулся поздно вечером, но… один и не на коне, а в легкой повозке, запряженной парой крестьянских лошадей.

— Где люди? Что с ними? — тревожно спросил Блюхер.

— Ох, что было, что было, Василий Константинович!

— Не тяни. Встретились или нет?

— Встретились, товарищ Блюхер, — приступил к официальному докладу Русяев. — Встретились, как и предполагали, у Тюйно-Озеро. Только за маскарад приняли все наши банты и флаги. Не учли мы, что не видывали еще в этих местах красных казаков. Только подошли к деревне, красноармейская рота встретила нас пальбой. Пробовали издали убедить, что свои. Не помогло. Пришлось в атаку идти…

— В атаку? На своих? — вскипая, переспросил главком.

— А что делать, когда бьют по тебе, — невозмутимо отозвался Русяев. — Кинулись лавой вперед. А нагнав, объявились товарищам, кто мы и зачем к ним пожаловали. Без потерь и мы, и они обошлись.

— Ловкачи! — добрея, отметил Блюхер.

— Так ведь опять не поверили, Василий Константинович! Не поверил ротный ни словам нашим, ни бумаге моей. «Не знаю, говорит, не слышал про Блюхера. Да и подписи комиссара в документе нету».

— И что же?

— Я подумал-подумал да решил сам с бойцами в плен сдаваться. Сказал командиру: «Сотню оставляю в заложниках, а меня ведите в штаб. Там быстрее во всем разберутся». И правда, разобрались. Сам командир 1-й Бирской Советской бригады Павел Иванович Деткин приглашает вас к себе в штаб.

Та же повозка, на которой прикатил вчера Русяев, двинулась поутру в обратный путь. Отдохнувшие кони бойко тянули ее по размякшей дороге. Позади покачивались в седлах Голубых и

ординарец Ягодин.

— Добрались-таки, — растроганно проговорил при встрече командир 1-й Бирской и широко раскинул руки для крепких объятий.

— Четыре месяца ждали этого дня, — ответил Блюхер, прижимаясь щекой к матросскому бушлату комбрига.

Ждать связи со штабом армии пришлось долго, но как летело время, не замечали. Казалось, конца не будет взаимным расспросам. Было уже за полночь, когда дежурный телеграфист взволнованно доложил:

— Штаб армии на проводе.

— Спеши, Василий Константинович, — кивнул Деткин. — Спеши сам сообщить Республике о своих героях.

— Москва. Совнарком. Товарищу Ленину, — начал диктовать депешу партизанский главком. — Командующим армии и всем, всем…

…Всем, всем! — принялся отстукивать телеграфист текст экстренного донесения:

> — Приветствую вас от имени южноуральских войск в составе Верхнеуральского, Белорецкого, 1-го Уральского, Архангельского, Богоявленского, 17-го Уральского стрелковых, 1-го Оренбургского казачьего Степана Разина, Верхнеуральского казачьего кавалерийского полков, отдельных кавалерийских сотен и артиллерийского дивизиона. В вашем лице приветствую Рабоче-Крестьянскую Советскую Республику и ее славные красные войска. Проделав беспримерный полуторатысячеверстный переход по Уральским горам и области, охваченной восстанием казачества и белогвардейцев, формируясь и разбивая противника, мы вышли сюда, чтобы вести дальнейшую борьбу с контрреволюцией в тесном единении с нашими родными уральскими войсками, и твердо верим, что недалек тот день, когда красное знамя социализма снова взовьется над Уралом. Главнокомандующий В. Блюхер.

Первая ответная телеграмма поступила через полтора часа. Поздравления слал Реввоенсовет 3-й армии:

— Приветствуем доблестный отряд Блюхера, — читал с ленты Павел Иванович Деткин. — Передайте наш сердечный привет командирам. Огнестрельные припасы в первую очередь можете взять из 1-й Бирской бригады… Передайте конкретнее, какое количество и чего требуется. Мы немедленно приступим к добыванию этих запасов. Для разрешения всех вопросов вам

необходимо приехать в штаб армии…

20 сентября в Кунгуре произошла встреча партизанского главкома с командующим 3-й армии Восточного фронта Р. И. Берзиным.

— Рад вас видеть, Василий Константинович. Таиться нечего, — приступил к разговору командарм. — Положение критическое. Враг теснит и теснит наши части. Резервов у штаба армии не было никаких. На все запросы я отвечал: мы бессильны вам чем-либо помочь. Теперь все надежды на ваши отряды.

— Значит снова в бои?

— Поняли правильно. 22-го выступаете на фронт. Реввоенсовет армии принял решение о слиянии ваших отрядов с частями 4-й Уральской дивизии. Начальником дивизии утверждаем вас.

— Не ожидал. Спасибо, — сдержанно поблагодарил Блюхер.

…А десять дней спустя, 30 сентября 1918 года, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет рассмотрел итоги славного похода партизанской, армии, руководимой В. К. Блюхером. ВЦИК поддержал ходатайство Уралобкома РКП(б) и Реввоенсовета 3-й армии о том, что

> «русская революция должна выразить вождю горсточки героев, вписавшему новую славную страницу в историю нашей молодой армии, благодарность и восхищение…»

Председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов заявил при этом:

— Итак, позвольте предложить вам первый случай преподнесения ордена Красного Знамени, наградив им товарища Блюхера.

Предложение было принято единогласно. На следующий день центральный орган ВЦИК газета «Известия» сообщила об этом решении всей стране.

Республика славила первого кавалера первого советского ордена, славила своего первого краснознаменца.

ПУТИ ОТЦОВ — ДОРОГИ СЫНОВЕЙ

МЫ ЧАСТО ГОВОРИМ: НАША МОЛОДЕЖЬ ИДЕТ ДОРОГОЙ ОТЦОВ… УВЕРЕННО ШАГАЯ ПО ЭТОЙ ДОРОГЕ, МОЛОДЕЖЬ ПРОДОЛЖАЕТ ПУТЬ, НАЧАТЫЙ ВЕЛИКИМ ОКТЯБРЕМ, ОБОГАЩАЕТ ОПЫТ ПРЕДЫДУЩИХ ПОКОЛЕНИИ НОВЫМ ОПЫТОМ.

Л. И. Брежнев

Было это, пожалуй, лет двадцать пять тому назад. Я ехал поездом на Урал. В купе подобрался свой, военный народ. Говорили о фронтовых и мирных дорогах, о командующих, под началом которых служили когда-то. Вспомнили и маршала Блюхера. И тут же заспорили. Капитан зачислил его в дальневосточники, доказывал, что слава Василия Константиновича идет от героев Волочаевки. Майор не соглашался. «Нет, — говорил он, — Украина раньше услышала о Блюхере. Он защищал Каховку, его дивизия штурмовала Перекоп».

И никто из нас тогда не знал, что поезд наш мчится дорогой, по которой ехал на Урал Блюхер, и что не на Дальнем Востоке и не в украинских широких степях, а именно здесь, в уральских лесах и горах, родилась его громкая слава.

За время долгой службы в Уральском, ныне Краснознаменном, военном округе мне выпало счастье дважды пройти по дорогам легендарного рейда партизанского соединения под командованием В. К. Блюхера, совершенного летом 1918 года «по Уральским горам и области, охваченной восстанием казачества и белогвардейцев».

Год 1957-й. Близилось сорокалетие Великого Октября. Политическое управление Уральского военного округа и Челябинский обком КПСС организовали в то лето военно-историческую экспедицию по местам боевых действий красных партизан В. К. Блюхера и братьев Кашириных.

В состав экспедиции, кроме ученых, краеведов и журналистов, вошли и ветераны уральского железного потока Ф. А. Вандышев, А. Б. Вдовин, Я. М. Кривощеков, П. К. Мельников, Г. И. Пивоваров, С. П. Попов, Д. А. Тарасенков, Г. Д. Штырляев. В течение месяца, следуя по маршруту Свердловск — Челябинск —

Троицк — Верхнеуральск — Белорецк — Петровское — Красноусольский — Иглино — Красная Горка — Аскино — Кунгур — Свердловск, члены экспедиции собирали материалы о походе по тылам врага партизанской армии, записывали воспоминания участников легендарного рейда, уточняли детали их боевых действий. Были запечатлены на фотографиях и описаны памятные здания, в которых размещались штабы партизанских отрядов, места боев, братские могилы, переправы через реки, составлены схемы наиболее важных сражений. Много внимания экспедиция уделила истории формирования дружин, сотен, полков, вошедших в состав Сводного Уральского партизанского отряда, влиянию на этот процесс местных большевистских партийных и советских организаций, изучению форм и методов массово-политической и агитационно-воспитательной работе в частях партизанской армии.

Минуло ровно двадцать лет, и в канун 60-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции летом 1977 года направилась в путь вторая, теперь уже научно-агитационная экспедиция, организованная Свердловским обкомом ВЛКСМ по инициативе студенческой группы «Поиск» Горного института имени В. В. Вахрушева.

Июльским утром у главного здания института состоялся митинг. И вот мы в пути. При выезде из Свердловска сделали остановку у старинного здания казарм бывшего Аровайского полка. На мемориальной доске надпись:

> «Здесь в марте 1918 г. был сформирован первый полк Красной Армии на Урале — Первый Уральский стрелковый полк. Он участвовал в походе партизанского отряда В. К. Блюхера. Сражался в составе 30-й Иркутской Краснознаменной имени ВЦИК стрелковой дивизии».

В 1968 году на торжестве в честь открытия мемориальной доски присутствовали три бывших командира 1-го Уральского (впоследствии 268-го) стрелкового полка 30-й дивизии В. А. Зубов, В. И. Хлебутин и Я. М. Кривощеков. В том далеком мае 1918 года им было по двадцать два-двадцать четыре. Зубов командовал батальоном. Хлебутин и Кривощеков — ротами 1-го Уральского полка РККА. Они выступили из казарм на станцию Екатеринбург, чтобы под предводительством Челябинского предревкома Блюхера направиться на выручку осажденному дутовцами советскому гарнизону города Оренбурга. Их курс лежал на Челябинск.

В Челябинск направились и мы. Тогда, в пятьдесят седьмом, сплошной ленты асфальта между Свердловском и Челябинском

еще не было. А сейчас — широченная бетонка.

И сам Челябинск… Два десятилетия назад при въезде в него с севера он удивлял и радовал кварталами соцгородка металлургов. Но в ту пору стояли они от шоссе километрах в четырех-пяти. Теперь же придвинулись почти вплотную. По правую руку поднялись сахарными кубами высотные здания нового жилого района — Северо-Западного.

И вот уже шоссе перешло в просторный Свердловский проспект. Впереди — под огромным куполом комплекс лучшего на Урале торгового центра, на другом берегу Миасса — прекраснейший Дворец спорта. И этого не было во время нашей первой экспедиции.

Лишь видавшие виды Красные казармы остались неизменными, такими, какими были и в начале века, какими их увидел Василий Константинович Блюхер в день первого своего приезда в город. Одно из зданий, в котором ныне разместились штаб и управление Челябинского высшего военного автомобильного инженерного училища, отмечено памятной мраморной доской. На ней высечены слова:

> «Здесь 20 ноября 1917 года был расквартирован Сводный отряд самарских, сызранских и уфимских революционных рабочих и красногвардейцев. Отряд оказал содействие в установлении Советской власти в г. Челябинске».

Задержались мы и в центре города, у старинного здания на перекрестке улиц Кирова и Карла Маркса. На фасаде дома — мозаичное панно с портретом В. К. Блюхера, а рядом — мемориальная доска. Полный текст ее таков:

> «В этом доме в 1917—1918 гг. работал Блюхер Василий Константинович. Герой гражданской войны, советский полководец, Маршал Советского Союза, Главнокомандующий Южно-Уральской партизанской армией в 1918 г. Первым в стране награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. В Челябинске был председателем Ревкома и начальником штаба вооруженных сил Челябинского района.
>
> Вечная слава герою!»
>
> «…Пролетарская революция, — говорил В. И. Ленин, — впервые дала прежним одиночкам, героям революционной борьбы, настоящую почву, настоящую базу, настоящую обстановку, настоящую аудиторию и настоящую пролетарскую армию, где эти

вожди могли проявить себя».[8]

Замечательные качества организатора масс и проявил рабочий, солдат, большевик В. К. Блюхер с первых шагов своей военно-политической деятельности на Урале. Обо всем этом думалось, когда мы проезжали по обновленной, ставшей удивительно приветливой площади Революции с величественной бронзовой фигурой Ильича, поднявшейся в центре ее. И после, когда уже свернули на бывший Уфимский тракт — ныне улицу Блюхера…

Мы побывали с сыном маршала профессором В. В. Блюхером в мастерской члена Союза художников СССР С. Я. Савочкина, создающего монументальный памятник В. К. Блюхеру. Василий Васильевич помог скульптору советами, передал редкие фотографии отца.

Из Челябинска держим путь на Троицк. Шоссе отличное. Слева взметнулись ввысь гигантские трубы. Это — Троицкая ГРЭС. Рядом с ней целый город — современный, благоустроенный. Но то еще не сам Троицк, а один из его спутников. Пройдет несколько лет и сольются воедино деревянные кварталы былой казацкой крепости и громады из стекла и бетона.

В центре сегодняшнего Троицка взошел на гранитный камень военный человек с двумя орденами Красного Знамени на груди. На постаменте начертано: «Мичман Павлов». Работа челябинского скульптора Э. Головницкой.

Держим путь на Троицкий вокзал. Его здание построено в начале века. Перед главным входом — мемориальная доска:

> «Здесь в марте 1918 года выступал Василий Константинович Блюхер…»

У центральной арки городского парка еще один памятник: «Н. Д. Томин. 1886—1924 гг.». Волевое, мужественное лицо. Сильные руки крепко сжимают эфес казацкой шашки, клинок которой почти целиком ушел в каменную твердь.

Запомнился нам Троицк и митингом в обеденный перерыв на электромеханическом заводе. Первым взял слово комиссар нашей экспедиции профессор В. В. Блюхер. Выступали и рабочие завода. Взволнованно говорили, что трудовой коллектив свято верен революционным традициям российского рабочего класса, делу пролетарского интернационализма.

Интернационализм… Это слово для рабочих не отвлеченно, а глубоко конкретно, близко и дорого. Каждый раз идя на трудовую смену, они видят на фасаде главного корпуса белую мраморную

плиту, на которой золотом горят слова:

> «Здесь в июне 1918 года героически сражался и погиб в борьбе за власть Советов взвод мадьяр (венгров) из интернационального батальона».

…После первой поездки по местам боев уральских красных партизан я написал такие строки: «Много горных вершин на Урале, но мало кто знает гору с немудреным названием Извоз. Не вышла она ни высотой своей, ни красотой, угрюма, лыса. Ни деревца, ни сочных трав…»

Теперь так не напишу. Слава о горе Извозской, на плато которой в 1918 году развернулось первое крупное сражение отрядов красных партизан с белогвардейскими частями генерала Шишкина, давно перешагнула пределы Урала.

В 1957 году на Извоз-горе был открыт памятный обелиск. На торжественной церемонии присутствовало свыше девяти тысяч жителей Челябинской области и Башкирской автономной республики, и было среди них около пятисот уральских партизан, громивших беляков на Извоз-горе и прошагавших затем все трудные версты легендарного рейда по тылам противника.

Минуло двадцать лет, и не узнать Извоз-горы. Склоны ее по всей окружности сплошь усажены ярко-зелеными молодыми соснами. Лишь на стороне, обращенной к Верхнеуральску, оставлена огромная поляна. Но в центре ее — те же сосны. Сажали же их по-особому, так, чтобы от самой восточной окраины города каждому были видны пять огромных букв, составляющих священное для нас слово «Ленин».

И вершина горы увенчана теперь высоким каменным шпилем, у основания которого на вечный пост встали плечом к плечу рабочий и казак.

> «Здесь, — читаем надпись, — у горы Извоз в 1918 году объединенный отряд красных партизан под командованием Каширина наголову разбил соединения белогвардейских войск.
>
> В боях с белогвардейцами погибли…»

И далее следует семнадцать фамилий верхнеуральцев, отдавших свою жизнь в борьбе за власть Советов. Автор этого монумента — С. Я. Савочкин.

Минутой молчания мы почтили память павших героев. Вместе с нами на Извоз-горе были ветераны партизанского рейда И. Г. Лямин, И. П. Батарев, Т. Л. Сысуев… Все они отмечены правительственными наградами за мужество и доблесть,

проявленные на фронтах гражданской войны.

В местном краеведческом музее предстала перед нами впечатляющая достоверными образами и яркими красками диорама челябинского художника В. А. Неясова «Штурм Извоз-горы». Она заняла от стены до стены всю переднюю часть главного зала. На ней во всех деталях показано, как приступом брались неприятельские укрепления на участке Верхнеуральского стрелкового полка. Главное внимание художник сосредоточил на фигуре комполка И. В. Погорельского. Выразительно, в динамике жаркого боя представлены и многие из его боевых сподвижников — однополчан.

Незабываемой была и поездка на бывшие Вятские хутора, где в дни сражения за Извоз-гору размещался штаб командующего Уральским отрядом В. К. Блюхера. Ныне здесь одно из отделений передового в районе совхоза, названного в память о боевом прошлом «Уральский».

Следующая наша остановка — в городе башкирских металлургов Белорецке. Все тем же тесным кольцом вздымаются над ним горы, все так же шумлива за плотиной пруда красавица Белая, а сам Белорецк давно уже не тот. Не деревянный заводской поселок, а все молодеющий, обновляющийся с каждым годом наш советский, социалистический город.

Сердцевина его промышленности, как и прежде, — металлургия, но представлена она не демидовских времен прокоптелым заводом, а мощным комбинатом, увеличившим, по сравнению с дореволюционным уровнем, производство чугуна и стали в десятки раз. Мы побывали в новом самом большом цехе № 11 Белорецкого ордена Трудового Красного Знамени металлургического комбината имени М. И. Калинина. Он оснащен первоклассной техникой, имеет отличные производственные и культурно-бытовые помещения. Все смены его, все бригады участвуют в патриотическом движении за коммунистическое отношение к труду.

В городе Дворцы культуры, школы, техникумы, больницы, многоэтажные жилые дома. Порадовал нас местный историко-краеведческий музей, справивший не так давно новоселье в современном благоустроенном здании.

«А скоро, очень скоро город получит свой вокзал, свою станцию ширококолейной железной дороги. Ее полотно уже подступает к городу со стороны Магнитогорска», — писал я в 1957 году и, заглядывая в будущее, добавлял: «Затем придет и день, когда стальные рельсы побегут еще дальше, на запад, вдоль той самой дороги, по которой лился наш уральский железный поток — поток десятитысячной краснопартизанской армии».

Белорецк давно уже стал железнодорожным городом.

Мы встретились с новой электрифицированной железнодорожной магистралью, пробитой сквозь скальную твердь непокорного Ала-тау, сразу же, как миновали обелиск, извещающий о том, что в августе 1918 года с этого места начался новый решающий этап рейда по тылам врага краснопартизанского соединения под командованием В. К. Блюхера. Произошло это невдалеке от села Серменево. Позже любовались вокзалом поселка Архангельского, а у былого аула Ирныкшы — ажурно-легким стальным мостом через Белую…

И это ведь памятник и, пожалуй, самый замечательный памятник благодарных внуков и правнуков своим легендарным дедам и прадедам!

В столице четырежды орденоносной Башкирии Уфе мы были проездом. Въехали в город по новому мосту через красавицу Агидель. Слева, на прибрежной круче, на коне бессмертный Салават Юлаев. Затем вплотную приблизился к нам монумент «Дружба», воздвигнутый в честь 400-летия воссоединения Башкирии с Россией.

Через реку Уфа мы переправлялись чуть севернее железнодорожного моста, перед станцией Шакша.

— А брал ли Блюхер Уфу? — неожиданно спросил наш комсорг Валерий Герт.

— Лет десять тому назад я бы твердо сказал: нет! — отозвался профессор Н. Ф. Плотников. — Сейчас начинаю сомневаться. Ведь Шакша уже становится частью города. А здесь в восемнадцатом бывали красные казаки Федора Вандышева.

И вот мы в Иглино. Читаем надписи на мемориальных досках, что укреплены на зданиях райисполкома и сельского среднего профессионально-технического училища:

> «В августе 1918 года через ст. Иглино проходил с боями отряд красных партизан под командованием легендарного полководца В. К. Блюхера».
>
> «На этом месте в августе 1918 года проходили упорные бои отрядов красных партизан под командованием В. К. Блюхера с белоказаками».

Позже у нас была длительная беседа с председателем райисполкома и секретарем райкома партии. Они сообщили много интересного о сегодняшнем дне и перспективах развития района. В недалеком будущем поселок станет восточной окраиной республиканской столицы. Да, пройдет несколько лет и можно будет говорить, что Блюхер проходил по улицам Уфы.

Работники партийных и советских органов, руководители

промышленных предприятий, сельскохозяйственных организаций и, разумеется, вожаки местной комсомолии проявляли большой интерес к экспедиции.

Горячо принимали всюду нашего комиссара Василия Васильевича Блюхера. Он рассказывал о целях и задачах экспедиции, следующей по местам боевой славы уральцев в год 60-летия Великого Октября. Делился воспоминаниями об отце — первом орденоносце Республики, об одном из маршалов Советского Союза.

— Видеть дома отца приходилось не так уж часто, — говорил Василий Васильевич. — Дел у него была уйма. Из всех боевых наград он больше всего ценил орден Красного Знамени за № 1. Не раз я слышал от него: «Этот орден заслужил весь Красный Урал, и принадлежит он не мне одному…»

Для каждого в семье дорогими были слова: Каховка, Перекоп, Волочаевка. Ну и, конечно, за большое счастье мы, дети, считали, когда отец брал с собой на работу, показывал, как живут красноармейцы-дальневосточники, что они делают для того, чтобы граница всегда была на самом прочном замке…

Вспоминал Василий Васильевич о старшем брате — Всеволоде, фронтовике, особо отличившемся в победном сорок пятом, когда он был представлен к награждению тем же орденом, который первым в стране получил его отец, к ордену Красного Знамени. Да и В. В. Блюхер верен семейной традиции — он награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени…

На всем большом пути мы узнали много доброго о сыновьях и внуках бойцов первого призыва. В Верхнеуральске первый секретарь райкома партии перечислил десятки фамилий прямых наследников громкой славы казаков-каширинцев, отмеченных правительственными наградами за трудовое отличие на совхозных и колхозных полях.

В Красноуральском — центре Гафурийского района Башкирии — секретарь райкома ВЛКСМ Руфина Сухорукова с увлечением рассказывала о молодых представителях краснопартизанских династий Калмыковых, Калашниковых, Хлесткиных, работающих на старинном стекольном заводе, не раз удостоенном классных мест во Всесоюзном социалистическом соревновании за выполнение производственных заданий, за внедрение новой техники и новаторство. Да и сама Руфина имеет почетную родословную. Ее дед Михаил Дублистов был храбрым пулеметчиком в отряде главкома Красноусольской республики М. В. Калмыкова.

Особо хочется сказать о Р. С. Исмагилове, директоре Байгильдинской средней школы. Сын бедняка, не пожалевшего

отдать блюхеровцам на постройку моста сруб на новую избу, он встретил Великую Отечественную в Брестской крепости и встал в ряды ее бессмертного гарнизона. Орденом Отечественной войны 2-й степени отметила Родина ратный подвиг солдата, орденом «Знак Почета» — тридцатилетний труд учителя сельской школы. Имеет Ришат Салихович и пять медалей ВДНХ СССР за успехи в учебной работе, производственном обучении и героико-патриотическом воспитании подрастающего поколения. Гордостью Исмагилова является школьный краеведческий музей, он — лучший в республике. По его экспонатам и материалам можно проследить всю историю села Байгильдино за советские годы.

Из Байгильдино следуем в Красную Горку — центр Нуримановского района Башкирской АССР. Почти вся его территория в сентябре 1918 года стала ареной тяжелейшего трехдневного сражения. И выиграть его, окончательно вырваться из тисков белогвардейских войск партизанам помог мост через реку Уфу, построенный с помощью местных жителей, бедняков. На отлогий песчаный берег возле северной окраины села вывел нас старший лейтенант запаса, заслуженный фронтовик, учитель и страстный краевед Н. З. Сафаров. Остановились возле обелиска.

— Вот здесь и строился мост. После переправы всей партизанской армии (вместе с нею ушли драться за землю, за волю и триста наших земляков) мост был сожжен. Но теперь мы имеем новый, какой в те времена никому и не снился.

— А где же он?

— Неподалеку, в Павловске. Проложен по плотине гидроэлектростанции. За шлюзами, а глубина их тридцать три метра, — море. Наше, Уфимское! А красота там!

И, наконец, встреча в Аскино. При въезде в село сразу же попали в окружение почетного эскорта. Впереди гарцевали на добрых конях четыре всадника в островерхих шлемах и гимнастерках. За ними следовали три мотоцикла. В люльке головного — первый секретарь Аскинского райкома ВЛКСМ с развевающимся полотнищем знамени комсомолии района.

В таком сопровождении и въехали на центральную площадь, где у памятника В. И. Ленину собрались труженики районного центра, делегации от леспромхозов, совхозов и колхозов.

Начался митинг. Открыл его депутат Верховного Совета Башкирской АССР, первый секретарь Аскинского райкома КПСС Н. Д. Паршутин.

Николай Дмитриевич говорил о том, что приход партизан Блюхера в Аскино — венец их многотрудного боевого пути по территории, занятой врагами революции, блестящая победа

разутых и голодных, плохо вооруженных красных бойцов над превосходящими силами сытого и отлично экипированного противника.

Пионеры декламировали стихи, воздавая должное памяти борцов за власть Советов. Ветеран армии А. В. Кобелев припомнил две встречи с В. К. Блюхером. Первый раз он видел Василия Константиновича еще мальчишкой на улицах Аскино, а во второй — был свидетелем того, как мужественно и решительно руководил Маршал Советского Союза боевыми действиями воинов-дальневосточников во время событий у озера Хасан.

…Два дня пребывания в Аскино были наиболее волнительны для научного руководителя нашей экспедиции Ивана Федоровича Плотникова. В деревушке Королево, что совсем рядом с райцентром, он родился, там прошло его босоногое детство. В Аскино потом он прибыл с фронта — при двух орденах Красной Звезды и многих медалях. Стал учительствовать, а одновременно учился и сам на заочном отделении пединститута. В пятьдесят первом аскинцы проводили его в аспирантуру.

И вот он — теперь уже доктор исторических наук, профессор и заведующий кафедрой Уральского государственного университета — снова среди родных людей. На каждом шагу встречи с бывшими учениками, со старыми друзьями.

В местном краеведческом музее мы остановились у стенда, посвященного легендарному рейду партизан В. К. Блюхера. Среди многочисленных фотографий представлена и фотография с такой надписью:

> «Крестьянин Аскинской волости д. Королево Ф. Н. Плотников — доброволец Сводного Уральского отряда».

Это отец Ивана Федоровича. В рядах партизан, а затем в 30-й стрелковой дивизии, первым начдивом которой стал В. К. Блюхер, сражался и его дед. Невольно подумалось: не раз вспоминал о них Иван Федорович, когда кропотливо, годами собирал материал об уральских партизанах, когда писал свою книгу «Десять тысяч героев».

…А вечером в самом большом, до отказа заполненном зале клуба райцентра надолго вниманием аскинцев завладела молодежная группа экспедиции — студенты-следопыты группы «Поиск», участники вокально-инструментального ансамбля «Гармония».

Днем самодеятельные артисты были на встречах с ветеранами, в музеях, знакомились со всеми памятными местами, а по вечерам выступали с концертами в Домах культуры, в

рабочих и колхозных клубах.

Открывали они концерты композицией, посвященной В. К. Блюхеру и его боевым сподвижникам. Заключительным аккордом звучали стихотворные строки:

Не все солдаты встретят
день победный,
Не всем прийти
на праздничный парад.
Солдаты смертны.
Подвиги бессмертны.
Не умирает мужество
солдат.

…Провожали нас аскинцы до самого Тюйно-озера, до того места, где вблизи деревни Поляковка произошла встреча партизанской разведгруппы Виктора Русяева с войском регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии — подразделением 1-й Бирской бригады П. И. Деткина.

* * *

Такими вот были два моих путешествия в боевой восемнадцатый год. После первой поездки по дорогам легендарного рейда загорелся сбором материалов о героях уральского железного потока.

Долгие годы моими наставниками были боевые соратники В. К. Блюхера и братьев Кашириных — М. Д. Голубых и Я. М. Суворов, В. А. Зубов и В. И. Хлебутин, С. П. Галунов и Ф. А. Вандышев, Я. М. Кривощеков и С. П. Попов, А. Б. Вдовин и Г. Д. Штырляев, Г. И. Пивоваров и В. Д. Ковшов… Трудился все это время в тесном контакте с учеными-историками В. Г. Сержантовым и И. Ф. Плотниковым. Горд и давней дружбой с сыновьями первых краснознаменцев Республики Советов — свердловским профессором В. В. Блюхером и московским инженером В. М. Калмыковым.

При вдохновляющем участии всех их писались мои работы, посвященные легендарному рейду красных партизан В. К. Блюхера, полки и отряды которых послужили костяком для создания знаменитой 30-й стрелковой дивизии, прошедшей по фронтам гражданской в пламени и славе «от голубых уральских вод к боям Чонгарской переправы».

notes

Примечания

1

См.: *Блюхер В. К.* Статьи и речи. М., Воениздат, 1963, с. 43.

2

Ныне г. Энгельс.

3

Документы Великой пролетарской революции. Т. 1, М., ОГИЗ, 1938, с. 268.

4

Декреты Советской власти. Т. 1, М., Госполитиздат, 1954, с. 403.

5

ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, л. 241, л. 62.

ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 14а, л. 532—535.

Тридцатая. Изд. политотдела 30-й Иркутской Краснознаменной им. ВЦИК стрелковой дивизии, 1933, с. 23.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 75.